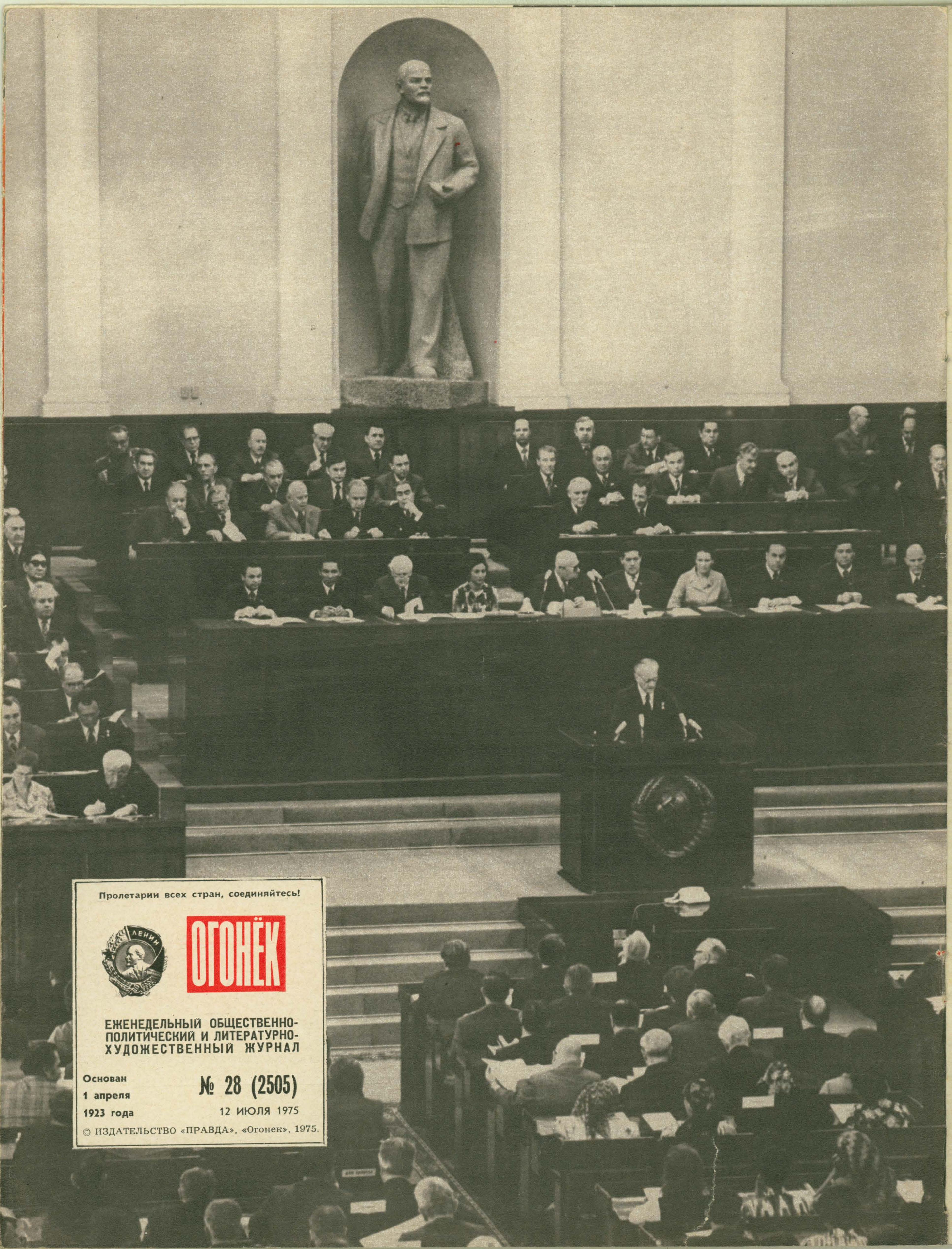

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 28 (2505)
12 ИЮЛЯ 1975
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975.

В Кремле 7 июля под председательством Н. В. Подгорного состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В Кремле 7 июля под председательством Н. В. Подгорного состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Президиум рассмотрел вопросы, связанные с повесткой дня и порядком работы третьей сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. На заседании Президиума были рассмотрены и другие вопросы государственной жизни страны.

В обсуждении вопросов на заседании Президиума Верховного Совета СССР приняли участие товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, В. В. Щербицкий, П. М. Машеров, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, а также заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР и заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, руководители ряда министерств и ведомств СССР.

8 июля в Кремле начала работать третья сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. В 10 часов утра в зале заседаний палат Верховного Совета СССР открылось заседание Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

8 июля в 11 часов утра в Кремле открылось первое заседание Совета Союза Верховного Совета СССР.

Депутаты единогласно утверждают повестку дня сессии:

1. О мерах по дальнейшему усилению охраны недр и улучшению использования полезных ископаемых.

2. О проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах.

3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Утвержден также порядок работы сессии.

8 июля в 12 часов дня в Большом Кремлевском дворце началось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей третьей сессии Верховного Совета СССР девятого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, В. В. Щербицкого, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, К. Ф. Катушева.

Совместное заседание обеих палат открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР депутат В. П. Рубен.

С докладом «О мерах по дальнейшему усилению охраны недр и улучшению использования полезных ископаемых и о проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах» выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат Н. А. Тихонов.

◀ На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей с докладом выступил депутат Н. А. Тихонов.

В перерыве между заседаниями сессии.

Встреча в аэропорту.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

3 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел беседу с председателем социал-демократической партии Германии В. Брандтом.

Л. И. Брежнев и В. Брандт отметили большое значение для улучшения обстановки в Европе поворота в отношениях между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, наступившего в результате подписания в 1970 году договора между СССР и ФРГ. Время, прошедшее с момента заключения договора, подтвердило, что Советский Союз и ФРГ могут с успехом поддерживать и расширять ко взаимной выгоде связи в политической, экономической, научно-технической, культурной и других сферах.

При обмене мнениями по международным вопросам было высказано убеждение, что успешное завершение в июле сего года на высшем уровне Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе послужит укреплению взаимовыгодных двусторонних и многосторонних отношений между европейскими государствами с различными общественными системами, создаст более благоприятные условия для прекращения гонки вооружений, упрочения мира и безопасности в Европе.

Встреча проходила в духе откровенности, на конструктивной основе, в атмосфере взаимопонимания.

В тот же день в Кремле Л. И. Брежнев дал обед в честь В. Брандта и его супруги Рут Брандт.

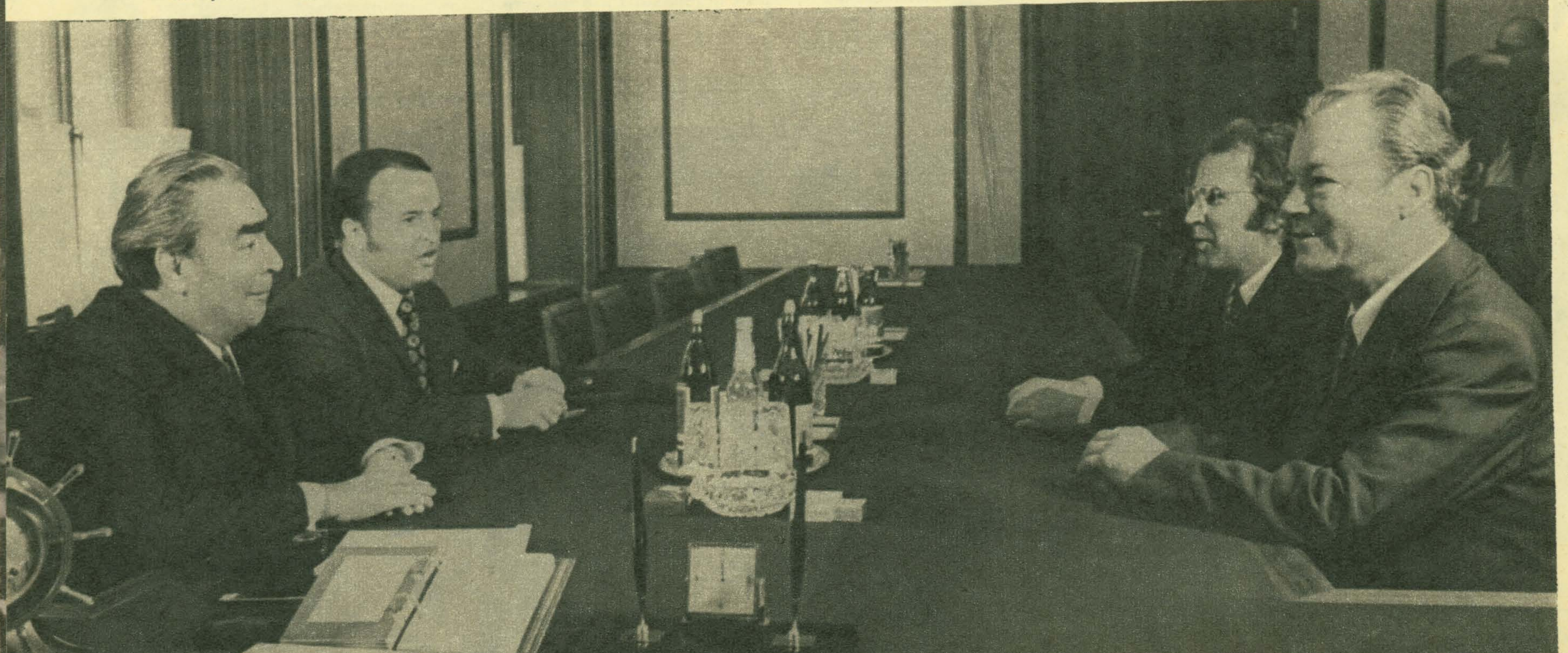
На обеде были член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и другие официальные лица.

На обеде выступили с речами Л. И. Брежнев и В. Брандт.

Обед прошел в теплой, дружественной обстановке.

Фото А. Гостева.

Во время беседы.

Во время приема.

2 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле находившуюся в Советском Союзе с официальным визитом делегацию сената США во главе с сенаторами Г. Хэмфри и Х. Скоттом.

Л. И. Брежнев отметил важное значение осуществленного за последние годы усилиями обеих сторон поворота к улучшению отношений и налаживанию плодотворного сотрудничества между СССР и США в интересах советского и американского народов, в интересах упрочения всеобщего мира и международной безопасности. Советский Союз будет и впредь последовательно идти этим курсом.

С обеих сторон были подчеркнуты важность и необходимость дальнейшего развития и углубления советско-американских отношений на основе равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды сторон.

На беседе присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, депутаты Верховного Совета СССР и другие официальные лица.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

СОЛТ-2 И БУДУЩЕЕ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

После семинедельного перерыва в Женеве возобновились советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений — СОЛТ-2. Их успешное завершение позволило бы сторонам уже в этом году заключить новое соглашение сроком до 1985 года об ограничении стратегических наступательных вооружений взамен Временного соглашения, истекающего в октябре 1977 года. Договоренность о принципах и основе долговременного соглашения, достигнутая в результате владивостокской встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента Соединенных Штатов Дж. Форда, не только расчистила завалы на пути к такому соглашению, но и создала все необходимые предпосылки для благоприятного финала переговоров.

В свое время этот главный результат встречи на высшем уровне во Владивостоке американские руководители расценивали как «решающий прорыв». Сейчас нет оснований полагать, что Белый дом отходит от позитивной оценки согласованных на высшем уровне принципиальных положений, которые наряду с ограничением общих количеств стратегического оружия предусматривают первые ограничения качественной гонки вооружений.

Только что закончившийся визит в СССР представительной делегации сената США подтвердил, что проектируемое соглашение встречает одобрение и большинства лидеров конгресса как от республиканской, так и от демократической партий. Однако в США, к сожалению, есть влиятельные круги, выступающие против подписания с Советским Союзом нового соглашения, базирующегося на краеугольном принципе равенства и одинаковой безопасности сторон. Речь идет прежде всего о лобби военно-промышленного комплекса, заинтересованного в том, чтобы подхлестнуть качественную гонку ракетно-ядерных вооружений и добиться дополнительных многомиллиардных ассигнований военно-промышленным корпорациям из госбюджета. Противники мирного сосуществования и улучшения советско-американских отношений явно активизировали в последнее время свою подрывную деятельность именно на этом решающем направлении, от которого во многом зависят судьбы разрядки международной напряженности. Хотя обстановка требует проявлять максимальную сдержанность в развертывании новых систем стратегического оружия, милитаристские круги форсируют подготовку к внедрению стратегического бомбардировщика «В-1», крылатых и крейсирующих ракет, кассетных боеголовок многоцелевого назначения повышенной точности. Они добились ассигнований на глубоководную лодку-ракетоносец «Трайдент», хотя СССР еще в прошлом году предлагал, чтобы на десятилетний период действия нового соглашения стороны ограничили ввод в строй атомных подводных лодок нового поколения с баллистическими ракетами.

Стремясь как-то оправдать наращивание вооружений, продолжающееся несмотря на окончание войны во Вьетнаме, пытаясь сбить с толку общественность США, некоторые безответственные американские деятели прибегают к дезинформации и лжи. Так, бывший министр обороны США М. Лэйрд в журнале «Ридерс дайджест» утверждает, будто СССР нарушил Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. На своей последней пресс-конференции президент США счел необходимым дезавуировать и опровергнуть М. Лэйрда. «Я установил, — подчеркнул Дж. Форд в ответ на прямой вопрос прокомментировать статью Лэйрда, — что СССР не нарушал соглашения об ограничении стратегических вооружений, что он не использовал никаких лазеек. Существует постоянная (советско-американская. — **С. Л.**) консультативная группа, то есть организация, цель которой — решать после проведения расследования, имели ли место какие-то нарушения. Расследовав эти утверждения, эта группа пришла к выводу, что никаких нарушений не совершалось».

Сомнительные лавры М. Лэйрда, видимо, не дают покоя и нынешнему шефу Пентагона. В последнее время Дж. Шлесинджер выступил с опасными рассуждениями и псевдотеоретическими выкладками, допускающими возможность «ограниченной ядерной войны» и возрождающими предельно опасную теорию «первого ядерного удара». Один из возможных кандидатов на пост президента от демократической партии, Т. Сэнфорд, назвал концепцию Шлесинджера безответственной. Сенатор Эдвард Кеннеди обоснованно охарактеризовал подход министра обороны как «вид ядерного сумасшествия», чреватый возвратом к эпохе ядерной напряженности и неуверенности. Он выразил глубокое убеждение в том, что качественная гонка вооружений, которую стремится навязать Пентагон, является «дестабилизирующим», «опасным и бесполезным фактором для обеспечения безопасности».

За наигранным милитаристским психозом руководителей Пентагона видны расчеты оказать давление на Советский Союз и добиться для Вашингтона односторонних преимуществ в вопросе ограничения стратегических наступательных вооружений. Такого рода попытки не имели успеха в прошлом и, конечно же, бесперспективны при нынешнем соотношении сил в мире. Кардинальный принцип равной безопасности сторон и отказа от поисков односторонних преимуществ зафиксирован в Основах взаимоотношений между СССР и США, в Соглашении о предотвращении ядерной войны, в других документах, закрепивших исторический поворот к общему оздоровлению атмосферы в советско-американских отношениях, происшедший за последние годы. Неукоснительное соблюдение этого принципа — верный залог успешного завершения женевских переговоров СОЛТ-2.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Лучшие колхозные комбайнеры А. В. Шавлак и В. Ф. Рудавский.

СТРАДА

Год на год не приходится — эта выверенная временем истина нынче обернулась для южных краев и областей страны недобором зерна. Хлеба еще в июне стояли тесно и многообещающе, однако так называемый «захват» нанес коварный удар по стараниям хлеборобов Ставрополья, Кубани, Дона, Крыма. В дни налива и вызревания потянуло по хлебной степи жарким, иссушающим ветром, он вытянул из молоденького зерна вес, или «натуру», как говорят агрономы.

В такой год особенно дорог каждый час, особенно ценны четкая организация комбайновой уборки, борьба с потерями. Из областей Украины сообщают о хорошо продуманном поточном методе уборки, с его помощью планируется обмолот зерновых более чем с семи миллионов гектаров.

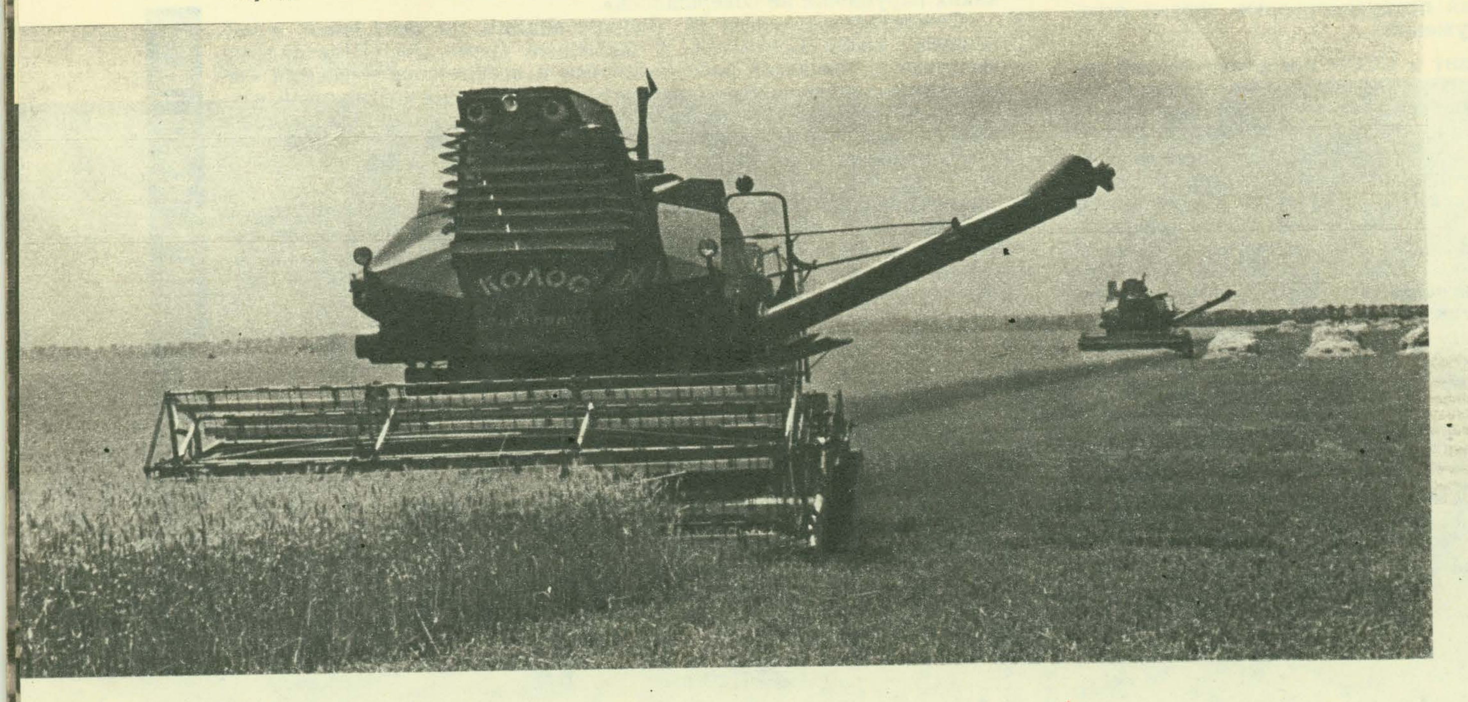
А всего к концу первой декады июля в республике хлеба скосили на восьми с лишком миллионах гектаров. И тут же идет обмолот валков. И тут же стерню запахивают.

Косить коси, но думай о новом севе — закон землепашцев.

Н. БЫКОВ

Фото Г. Самарова.

Страда на полях колхоза имени Калинина, Вольнянского района, Запорожской области.

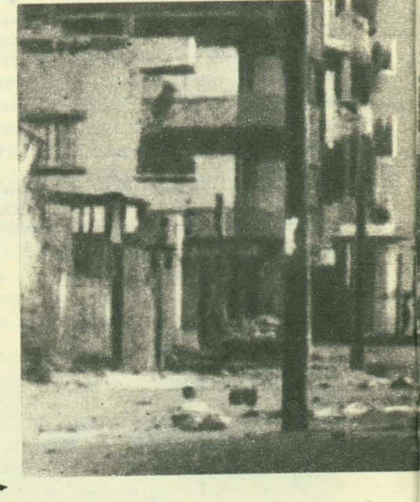
В АВАНГАРДЕ

4 июля в Москве, в Колонном зале Дома союзов, открылась научная конференция на тему «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, социальное и национальное освобождение» (к 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала).

В своем вступительном слове член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов отметил, что состоявшийся в июле 1935 года конгресс принял решения, которые выразили объективно назревшие потребности между-

ЛИВАН:

Так выглядят сегодня улицы Бейрута.

Тем, кто бывал в Бейруте, трудно представить этот обычно шумный, многолюдный город с его кипучей деловой жизнью вымершим, словно пустыня. Однако именно эти слова чаще всего встречались в последних сообщениях информационных агентств из ливанской столицы.

Сейчас, хотя в городе еще сохраняется напряженность и кое-где происходят отдельные стычки, жизнь ливанской столицы постепенно входит в обычную колею. Началу нормализации обстановки значительно способствовало то, что наконец было сформировано новое правительство, которое возглавил известный в стране политический деятель Рашид Караме. После создания правительства

БОРЬБЫ

народного рабочего класса, стимулировали новый подъем борьбы трудящихся всех стран против фашизма и военной опасности, за мир, демократию и социализм.

Охарактеризовав факторы современного развития, оратор далее подчеркнул, что в наше время коммунисты и все борцы за мир располагают повсюду несравненно более широкими возможностями мобилизации народных масс на активную борьбу против военной угрозы, за сохранение и упрочение мира, чем это было в предвоенные годы.

С докладом «Коммунисты в борьбе против фашизма и войны, за мир, демократию и социализм» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

Участники конференции единодушно приняли приветственное письмо в адрес Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана и других патриотов Чили, томящихся в фашистских застенках.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНА

На карте Африки появилось новое независимое государство — Республика Острова Зеленого Мыса. В столице страны городе Прая поднят флаг независимости. На протяжении столетий архипелагом владели португальцы и использовали его в качестве опорного пункта в своей колониальной политике.

Территория островов — 4 033 квадратных километра, население — 250 тысяч человек, в основном мулаты.

Население архипелага в последние годы вело активную борьбу против португальских колонизаторов под руководством Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК).

30 июня в соответствии с соглашением между ПАИГК и правительством Португалии на островах впервые в истории состоялись выборы в Народную учредительную ассамблею, которая провозгласила 5 июля независимость Островов Зеленого Мыса.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Фото АП—ТАСС

удалось достигнуть соглашения о прекращении огня. Была также выработана договоренность о передаче в руки властей всех нарушителей этого соглашения.

Затянувшийся кризис на Ближнем Востоке и особенно вооруженные провокации Израиля на юге Ливана имеют самое непосредственное отношение к тому, что происходит в стране. Как известно, в Ливане, как и на территории ряда других арабских стран, нашли приют сотни тысяч палестинцев, в разное время изгнанных израильской военщиной с родной земли. Недавно израильские военные катера обстреляли лагеря палестинских беженцев, расположенные в районе города Тир. Имеются человеческие жертвы среди мирного населения. Израильские самолеты совершили бомбардировку ливанских населенных пунктов Аббасия, Шабриха и Бургулия. Израильская артиллерия обстреляла ряд селений, расположенных на юге Ливана. Обеспокоенные укреплением рядов Палестинского движения сопротивления, растущей поддержкой, которую оказывают ему демократические партии и организации Ливана, правящие круги Израиля практически развязали «необъявленную войну» на южных границах страны. Они рассчитывают также использовать реакционные силы, чтобы их руками нанести удар как по ПДС, так и по поддерживающим его прогрессивным силам Ливана.

События в Бейруте показали, что подобные расчеты не были лишены оснований. Реакционные силы, спровоцировавшие столкновения с Палестинским движением сопротивления, сыграли на руку Тель-Авиву. Эти столкновения были фактически направлены на ослабление фронта борьбы против израильской агрессии. Не случайно, что именно в эти дни израильская военщина вновь совершила крупные провокации против Ливанской Республики. Тель-Авив явно пытается использовать события в Ливане, чтобы накалить обстановку на Ближнем Востоке.

Ливан пережил трудные дни. Несмотря на начавшийся процесс нормализации, обстановка в стране остается тревожной. Израильские налеты не прекращаются. Реакция отступила, но отнюдь не сложила оружия. В этих условиях прогрессивные силы страны предупреждают о возможности новых вылазок против Палестинского движения сопротивления, призывают хранить бдительность, крепить солидарность с ПДС, со справедливой борьбой палестинского народа за свои законные права.

В. ВАСИЛЬЕВ

11 июля 1921 года победила Народная революция в Монголии.

Студенты Улан-Баторского политехнического института.

Фото А. Бочинина.

УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ

Велики преобразования в стране, превращенной из отсталой, скотоводческой в аграрно-индустриальное государство! Эти перемены — свидетельство того, как велика цена времени в мире социализма. Дружба с Советским Союзом, со всеми социалистическими странами неузнаваемо изменяет облик Монголии. Здесь возникла энергетическая, угледобывающая, деревообрабатывающая, легкая, пищевая промышленность; организованы крупные животноводческие и зерновые хозяйства, кормовые станции и санитарно - ветеринарные пункты. Только за последние пятнадцать лет в МНР при помощи Советского Союза построено 232 объекта. Детищем монголо - советской дружбы называют новый угольный район Шарын-Гол. Шаманы феодальной Монголии когда-то объявили это место священным, запретив копать здесь землю. Но сюда пришли монгольские и советские геологи, обнаружили богатое месторождение угля, и теперь Шарын-Гол дает почти половину всего угля для энергетики и промышленности. Среди гор живописно раскинулся современный город горняков, где вместе живут и трудятся монголы, русские и чехи.

«Дархан» в переводе на русский язык значит «кузнец». Когда-то здесь проходил торговый путь, связывающий Восток с Западом. В этом районе впервые было поднято победоносное знамя Народной революции. Многие еще помнят голую степь и войлочные юрты в этих местах. А сегодня Дархан называют городом интернациональной дружбы. Построенный с помощью специалистов из СССР, НРБ, ВНР, ПНР и ЧССР, он стал вторым крупнейшим промышленным центром страны; истинным кузнецом новой, социалистической Монголии.

Подлинная революция свершилась и в области просвещения. Если в 1921 году существовала всего одна народная школа, где за парту сели сорок учеников, то в прошлом году учебный год начали 289 тысяч школьников, свыше 11 тысяч учащихся техникумов и около 8 тысяч студентов.

В год победы революции в стране возник первый клуб — Народный дом. Он стал очагом создания и развития первых организаций культуры и искусства. Теперь свидетельством расцвета культуры в Монголии стали многочисленные театры, народные ансамбли, многомиллионные издания литературы. Свершилось все, о чем мечтало много поколений. Воплотились в жизнь пророческие слова руководителя монгольской Народной революции Д. Сухэ-Батора: «Если мы, весь наш народ, объединимся в едином стремлении, в единой воле, то нет ничего в мире, чего бы мы не добились, не будет ничего, чего бы мы не знали и чего бы мы не умели».

Ю. СТРОЕВ

РУКИ ДРУЖБЫ

НА ОСНОВЕ РАВНОПРАВИЯ И ВЗАИМНОЙ

интервью «огонька»

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. СКАЧКОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» А. Гречухина.

ВОПРОС. Как выполняется принятая XXIV съездом КПСС программа расширения экономических связей СССР с развивающимися странами?

ОТВЕТ. За четыре с лишним года, прошедшие после съезда нашей партии, Государственный комитет много работал над тем, чтобы экономическое и техническое сотрудничество Советского Союза с молодыми независимыми государствами получило дальнейшее развитие.

В настоящее время межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве заключены с 49 государствами Азии, Африки и Латинской Америки.

С некоторыми из них сотрудничество осуществляется на устойчивой базе долгосрочных соглашений, подобных 15-летнему Соглашению о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества между СССР и Республикой Индией, которое было подписано в Дели во время дружественного визита товарища Л. И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 года. Такой же срок Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираком, Договора о развитии экономического и технического сотрудничества между СССР и Ираном.

Одной из перспективных форм внешнеэкономических связей производственно-торгового характера с высоким потенциалом эффективности является экономическое и техническое сотрудничество на компенсационной основе. Практика показывает высокую степень взаимовыгодности такого сотрудничества. Предприятия, построенные на этих условиях, являясь собственностью развивающихся государств, укрепляют государственный сектор их национального хозяйства. Экспорт продукции этих предприятий создает благоприятные условия для расчетов развивающихся стран за оказанное содействие.

Советский Союз сотрудничает на компенсационной основе с Афганистаном, Ираном, Турцией, АРЕ, Гвинеей и рядом других развивающихся стран. Наряду с продукцией предприятий, построенных при экономическом и техническом содействии СССР (газ, бокситы, другие руды и концентраты цветных металлов, нефть), развивающиеся страны в оплату за оборудование поставляют нам такие традиционные товары своего экспорта, как натуральный каучук, джут, длинноволокнистый хлопок, кожевенное сырье, чай, кофе, какао-бобы, а также продукцию национальной промышленности — ткани, трикотаж, обувь, мебель, медикаменты и др.

Таким образом создается возможность для организации взаимовыгодного международного разделения труда с рядом развивающихся стран, планирования импорта необходимых народному хозяйству СССР товаров на длительную перспективу. Это вносит определенный вклад в рост эффективности этого импорта, а также обеспечивает более полное удовлетворение потребностей населения нашей страны в целом ряде товаров первой необходимости.

Все это способствует решению поставленной на XXIV съезде КПСС задачи дальнейшего развития и совершенствования внешнеэкономических связей Советского Союза.

ВОПРОС. На каких принципах осуществляются эти связи, как они способствуют укреплению экономики развивающихся стран, их независимости от империалистических держав?

ОТВЕТ. В основе наших отношений со всеми зарубежными странами, в том числе и с развивающимися, лежат незыблемые внешнеполитические принципы, сформулированные В. И. Лениным в первых программных документах Советской власти. Эти принципы основаны на ленинской идее мира и дружбы между народами, полного равноправия и невмешательства во внутренние дела, уважении суверенитета, поддержке угнетенных народов, борющихся против поработителей. Их реализация в практике международных отношений создает благоприятные предпосылки для равноправного и взаимовыгодного экономического и технического сотрудничества.

Советский Союз оказывает содействие развивающимся странам в самом главном — в построении и укреплении их независимой национальной экономики. Решение этой центральной задачи обусловливает две основные особенности нашего сотрудничества с молодыми государствами.

Первая из них состоит в том, что наше сотрудничество направлено прежде всего на развитие производственной сферы их национальных хозяйств. Без собственной промышленной базы не может быть речи о построении подлинно независимой экономики.

Другая особенность заключается в преимущественном оказании содействия в развитии государственного сектора их экономики. Его наличие способствует проведению широких социально-экономических преобразований. В Индии, Ираке, Египте, Сирии, Алжире и ряде других стран государственный сектор занимает доминирующее положение в экономике. В Сирии при содействии СССР создана национальная нефтяная промышленность, а в Ираке развивается государственный сектор нефтедобывающей промышленности. Это укрепляет экономические позиции независимых государств в их борьбе против засилья капиталистических монополий, особенно в добывающих отраслях промышленности.

Рост промышленного производства ведет к увеличению численности рабочего класса и, что особенно важно, квалифицированных рабочих, а в конечном итоге — к коренным изменениям в социальной структуре общества.

При оказании экономического и технического содействия Советский Союз предоставляет ряду развивающихся стран кредиты на льготных условиях для оплаты нашего комплектного оборудования и услуг. Эти кредиты погашаются своевременно. В прошлом году половина всего советского импорта из развивающихся стран была оплачена за счет погашения кредитов.

Индия вернула нам свыше половины кредитов, в том числе полностью кредит на строительство первой очереди Бхилайского металлургического завода. Также полностью оплачен Египтом кредит на строительство первой очереди Асуанского гидроэнергетического комплекса.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о важнейших объектах, сооружаемых с помощью Советского Союза в развивающихся странах.

ОТВЕТ. При содействии СССР в развивающихся странах построено и строится 70 энергетических объектов, 37 предприятий черной и цветной металлургии, около 50 предприятий машиностроения и металлообработки, 33 объекта промышленности строительных материалов, более 150 предприятий легкой и пищевой промышленности, 130 сельскохозяйственных объектов, 82 объекта транспорта и связи, 187 объектов здра-

«Продолжать развитие устойчивых внешнеэкономических и научно-технических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки на условиях взаимной выгоды и в интересах укрепления их экономической независимости».

Из Директив XXIV съезда КПСС.

ВЫГОДЫ

воохранения, просвещения и культуры, в большом объеме ведутся геологоразведочные работы.

Важнейшими объектами сотрудничества являются предприятия черной и цветной металлургии, построенные и строящиеся в настоящее время в развивающихся странах при техническом содействии Советского Союза.

Советскими организациями осуществляются поставки оборудования, необходимого для увеличения мощности построенного при нашем содействии Бхилайского металлургического завода в Индии до 4 миллионов тонн стали в год. Этот завод на протяжении ряда лет является лучшим металлургическим предприятием, производящим около 30 процентов всей стали в стране.

После завершения строительства Хелуанского металлургического комбината в АРЕ выплавка стали на нем составит более 70 процентов от общего ее производства в стране.

Ведутся работы по расширению Исфаганского металлургического завода в Иране производительностью в 1,9 миллиона тонн стали в год.

С апреля прошлого года при содействии советских организаций началось строительство металлургического завода в Пакистане.

Крупные алюминиевые заводы сооружаются при техническом содействии Советского Союза в Индии, АРЕ и Турции.

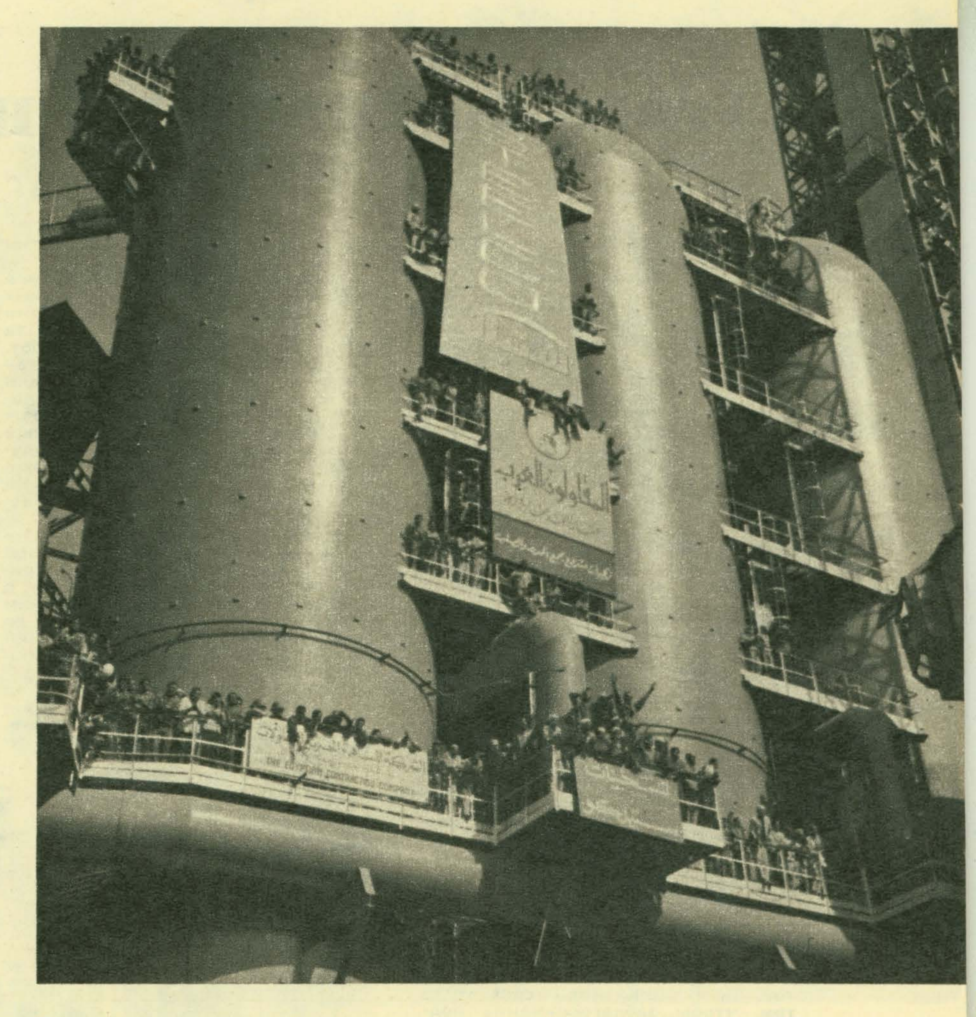
В условиях резко обостряющегося в капиталистическом мире энергетического кризиса большое значение для экономики развивающихся стран имеет оказание Советским Союзом технического содействия в развитии их топливно-энергетических отраслей промышленности.

Так, например, в минувшем году при техническом содействии советских организаций завершена подготовка к эксплуатации второй очереди нефтепромысла Северная Румейла в Ираке производительностью 18 миллионов тонн нефти в год. В 1975 году благодаря расширению нефтепромысла, также осуществляемого при экономическом и техническом содействии Советского Союза, его мощность возрастет до 42 миллионов тонн нефти в год. Вся добываемая нефть экспортируется, что в значительной мере способствует упрочнению валютно-финансового положения Ирака.

Несколько слов о содействии, которое мы оказываем этим странам в развитии энергетики. Самым крупным энергетическим объектом, построенным при экономическом и техническом содействии СССР, является Асуанский гидроузел в Египте — одно из крупнейших в мире гидротехнических сооружений с ГЭС мощностью в 2,1 миллиона киловатт. Доля гидроэлектростанции в общей выработке электроэнергии составляет в настоящее время 52,3 процента. Благодаря электроэнергии Асуана осуществляется широкая программа электрификации египетских деревень.

Крупная гидроэлектростанция «Табка» сооружается в настоящее время при содействии Советского Союза на реке Евфрат в Сирии. В прошлом году электроэнергия ГЭС начала поступать в энергосистему страны. Выход электростанции на проектную мощность позволит удвоить количество электроэнергии, производимой в этой стране.

Крупные энергетические объекты строятся в Ираке, Иране, Марокко, Пакистане, Бангладеш и многих других странах. Советские специалисты помогают организовать строительные, монтажные, пуско-наладочные, эксплуатационные и другие работы. Наши граждане работают за рубежом с присущей им самоотверженностью, в полную меру своих сил. Вместе с зарубежными рабочими и инженерами советские специалисты не только помогают решать технические проблемы развития национальных экономик, готовить необходимые кадры, но и вносят большой вклад в укрепление дружбы между нашими странами.

Полным ходом идут работы на строительстве Хелуанского металлургического комбината, который сооружается в АРЕ при экономическом и техническом содействии Советского Союза.

Фото ТАСС.

ЕГИПЕТ

ЛУЧШАЯ ИЗ ПЛОТИН

Осман Ахмед ОСМАН,
министр реконструкции и жилищного строительства АРЕ

Я горжусь высотной Асуанской плотиной. Это один из самых важных объектов, когда-либо выполненных в Египте, одна из крупнейших строек в мире. Садд эль-Аали — величайшее инженерное сооружение нашего века, лучшая из плотин. Проект ее был разработан правильно и выполнен на отлично.

...В АРЕ сейчас 700 тысяч домов жилого фонда, которые нуждаются в немедленном ремонте. Мы признаем наличие жилищного кризиса, мы сейчас пересматриваем в связи с этим программу жилищного строительства.

Мы разработали меры по выделению владельцам домов займов на проведение ремонта, помогаем как им, так и государственным учреждениям строительными материалами. Многие типы таких материалов — арматурное железо, строительное дерево — мы получаем из СССР, что поможет нам в ближайшие три-четыре года в значительной мере преодолеть существующий кризис. Мы благодарны за эту помощь и сотрудничество, установившиеся со времен совместного строительства высотной плотины в Асуане.

Советские люди помогают нам развивать экономику. Достаточно привести такие примеры, как Хелуанский металлургический комбинат, алюминиевый комплекс в Наг-Хаммади. Лучшим доказательством отношений сотрудничества, которые установились между СССР и АРЕ, является тот факт, что мы совместно успешно завершили один из самых крупных проектов в мире — высотную Асуанскую плотину.

Я хочу выразить благодарность советским морякам, очистившим от мин Суэцкий залив. Это был первый и очень важный для нас шаг, который помог нам обеспечить доставку в зону канала грузов из Красного моря. Следует помнить, что зона канала пребывала в бездействии целых семь лет.

В годы строительства гидроэнергетического комплекса на Ниле О. А. Осман возглавлял компанию «Араб контракторс», которая выполняла ряд подрядных строительных работ по контрактам с министерством по делам высотной Асуанской плотины.

ПАКИСТАН

«ЭТОГО НЕ КУПИШЬ НИ ЗА КАКИЕ ДЕНЬГИ»

А. МАСЛЕННИКОВ

В канун 1974 года на каменистом пустыре неподалеку от Карачи состоялась церемония закладки первого камня в фундамент металлургического завода, сооружаемого при экономическом и техническом содействии СССР. Для участия в празднике сюда приехали представители центрального и провинциального правительств, руководители Пакистанской металлургической корпорации, представители советских учреждений, местные и иностранные журналисты. Выступая перед собравшимися, премьер-министр Пакистана З. А. Бхутто выразил уверенность, что строительство первенца пакистанской металлургии мощностью в более чем миллион тонн стали в год послужит большим стимулом к дальнейшей индустриализации страны и приведет к укреплению деловых контактов и расширению взаимовыгодного сотрудничества между Пакистаном и СССР.

С того торжественного дня прошло полтора года. Но как неузнаваемо изменилось все вокруг! Там, где раньше на красноватой сыпучей земле были разбросаны лишь редкие кустарники и верблюжья колючка, сегодня прокладываются новые асфальтированные дороги, роются траншеи, возникают контуры административных и промышленных сооружений.

— Главная задача, решением которой занята сейчас Пакистанская металлургическая корпорация и работающие в ней советские специалисты,— рассказывает эксперт-консультант строительства тов. П. И. Кондаков,— состоит в том, чтобы заблаговременно подготовить строительную базу, способную обеспечить своевременный ввод в строй не только самого металлургического завода, но и различных местных предприятий. В состав строительной базы входят четырнадцать основных цехов, в частности, автоматизированный бетонный завод мощностью 300 тысяч кубометров в год, механизированный склад цемента, цех по производству арматурной стали, металлоконструкций, база механизации и другие предприятия.

— Мы исходим из того,— говорит Петр Иванович,— что создаваемая нами сегодня строительная база со временем превратится в самостоятельную организацию, которая возьмет на себя не только промышленное, но и гражданское строительство в районе города Карачи. Последнее особенно важно, так как этот быстрорастущий город страдает от острой нехватки жилья.

На площадке мы познакомились с представителем Пакистанской металлургической корпорации г-ном М. Ризви, отвечающим за организацию строительных работ. Он сообщил, что к настоящему времени уже закончено или строится около десятка промышленных объектов, среди них гараж на 550 автомашин, два крупных металлургических склада, опалубочная мастерская, испытательная лаборатория и многое другое. На большинстве объектов работы ведутся с опережением графика.

— Мы должны спешить,— говорит М. Ризви,— так как наш завод очень нужен стране. Это строительство и ввод предприятия в действие дадут работу десяткам тысяч людей. Их труд поможет со временем изменить экономический облик не только Карачи, но и Пакистана в целом.

Хорошая организация работ, по мнению г-на Ризви и его помощника инженера Хана, в немалой степени способствует атмосфере делового, товарищеского сотрудничества, сложившегося в отношениях между пакистанскими и советскими специалистами.

— У нас нет никаких проблем,— говорит Хан,— ибо наши советские коллеги охотно делятся с нами своим богатым опытом и немедленно приходят к нам на помощь, если мы не справляемся с теми или иными трудностями. Чтобы лучше понимать друг друга, мы организовали курсы русского и английского языков, на которых мы и советские коллеги по очереди выступаем то в качестве учеников, то в качестве учителей.

Разговор заходит о том, что привело моих собеседников на строительство первенца пакистанской металлургии.

— За свою жизнь мне пришлось сменить немало профессий,— говорит М. Ризви.— До прихода в металлургическую корпорацию я работал пять лет в Карачинском морском порту, а еще раньше на предприятии одной из строительных фирм в Чикаго. Мне приходилось строить разные объекты, но то, что я делаю сейчас, нельзя сравнить ни с чем. Я горжусь тем, что первым из инженеров приехал сюда и забил первый колышек в эту сухую, бесплодную землю. Что бы ни случилось, этот факт навсегда останется яркой страницей в моей биографии, думаю, что даже мой сын будет гордиться тем, что я стоял у истоков Карачинского металлургического. А это нечто такое, чего не купишь ни за какие деньги.

Более двухсот специалистов по обслуживанию советской техники выпускает в год ремонтно-технический центр, оборудованный при содействии СССР в пакистанском городе Лахоре.

Фото ТАСС.

Неподалеку от временного здания стройуправления наше внимание привлекло несколько новеньких «КрАЗов» и «МАЗов». Выяснилось, что эти машины только что прибыли из Советского Союза в Карачи на грузовом теплоходе «Николай Гоголь».

— Когда мы узнали, что нам предстоит рейс в Карачи,— сказал первый помощник капитана А. Ф. Кисленко,— то команда очень обрадовалась. Дело в том, что экипаж судна «Николай Гоголь» с 1968 года является коллективным членом Общества советско-пакистанских культурных связей. Чтобы быстрее закончить погрузку, мы вызвали на соревнование портовиков. С большим подъемом экипаж трудился и во время рейса. Годовой план мы выполнили к 25 декабря.

Мы счастливы тем,— продолжал Кисленко,— что нашему экипажу выпала честь доставить первую партию советских машин и оборудования для строительства Карачинского металлургического завода.

Здесь у нас состоялась теплая встреча с активистами Общества пакистано-советской дружбы. Мы убедились, что наши пакистанские друзья высоко ценят развивающееся сотрудничество между нашими странами и, со своей стороны, делают немало для дальнейшего развития дружественных связей между Пакистаном и Советским Союзом.

Оборудование для строительства Карачинского металлургического завода будут поставлять около 160 советских предприятий. Морской путь между советским Причерноморьем и побережьем Пакистана все более напоминает своеобразный конвейер сотрудничества между двумя странами. Мы искренне рады тому, что своим трудом вносим посильный вклад в это благородное дело.

Карачи — Исламабад.

ГВИНЕЯ

ВАСИЛИЙ — ДРУГ МОХАММЕДА

Л. КУЗНЕЦОВ

По более чем стокилометровому пути идут сегодня в Конакри тяжелые составы, груженные бокситами на руднике в Дебеле. Стальная магистраль и все сооружения для погрузки руды были построены с помощью Советского Союза. Бокситодобывающий комплекс сыграет огромную роль в развитии государственного сектора Республики Гвинея. Но не только за это ценят его здесь. Стройка была гигантской школой, где получили рабочие профессии тысячи гвинейцев. Об этом и хотелось бы мне рассказать.

* * *

Почти сразу за Конакри дорога начинает постепенно подниматься, извиваясь вокруг холмов и скалистых отрогов. Мы ехали в Дебеле на строительство рудника. Нас встретил рев механизмов, откудато издали доносились взрывы — это строители дороги пробивали путь сквозь скалы. На одном из экскаваторов я увидел высокого худощавого человека.

— Василий Николаевич Яковлев,— представился он.— Из Калинина.

— А рядом с вами?

— Мой ученик — Мохаммед Исса.

Мы долго ходили по стройке. На доске почета я увидел фотографию Мохаммеда Иссы. Во время обеденного перерыва с помощью Василия Николаевича мне удалось побеседовать с ним на смешанном языке, состоявшем наполовину из русских фраз, наполовину из слов языка племени сусу.

Порядки в семьях этого племени патриархальные. «Надо жить так, как жили наши предки,— не терпящим возражений голосом говорил отец Мохаммеда Иссы, глядя на сыновей и дочерей.— Мир дан нам таким, какой он есть. Каждая травинка имеет в нем свое место. И менять этот порядок никому не позволено». Однако вскоре старик несколько изменил своим принципам. Это произошло после того, как на крестьянском сходе кто-то предложил прорыть канаву от речки к селу, выложить ее досками — вот тебе и водопровод, и не нужно будет женщинам ходить с тяжелыми ведрами и канистрами за несколько километров. Потом решили выровнять дорогу в село, убрать колдобины, засыпать ямы. И несмотря на то, что старый Исса по-прежнему считал, что надо жить, как жили предки, он был первым, кто пришел строить «водопровод». Исса видел, что жизнь меняется по всей стране. «Наши предки на нас не обидятся,— говорил он,— они обрадуются, если у нас будет больше воды и больше еды». Понятно, сыновья работали изо всех сил, и, когда по окончании строительства «водопровода» был устроен праздник, их чествовали больше всех.

Вот почему отец провожал сына на стройку железной дороги со спокойной душой. Двадцатилетний парень был рад и новой обстановке и новым друзьям. Работал он так себе. Но вот однажды приехал отец. Он ходил по стройке, разговаривал со знакомыми односельчанами и в конце концов подошел к доске почета, долго стоял перед ней, но напрасно разыскивал фотографию сына. Исса был огорчен, даже обижен. Расспросив о тех, чьи портреты висели на доске почета, старик узнал, что двое из них учились управлять машинами у «камарада Василия». Старый Исса разыскал этого мастера и попросил взять сына под свою опеку. С тех пор Мохаммеда словно подменили...

Прошло немало времени, и Исса получил письмо. Неграмотный старик отправился с ним к секретарю комитета Демократической партии Гвинеи. Письмо оказалось от сына. «Видишь,— сказал секретарь,— научили твоего парня грамоте. Пишет он тебе, чтобы ты приезжал. Теперь он на 70-м километре. Почти в Дебеле».

Первое, что увидел Исса, была доска почета. И первое, что он заметил на ней,— портрет сына. Старик долго жал руку Василию Николаевичу: «Спасибо всем за сына, спасибо за то, что придумали эту чудо-доску, ведь вы и она сделали так, что я горжусь своим сыном».

А потом старика пригласили в клуб. В этот вечер показывали хронику далеких лет, комсомольские стройки тридцатых годов в Советском Союзе. И отец гвинейского строителя Мохаммеда Иссы увидел доску почета, такую же, как та, на которой сегодня висит портрет его сына.

Конакри.

М. Самсонов. Род. 1925. ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА. 1975.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы»

А. Константинопольский. Род. 1923. НА РАССВЕТЕ. 1960—1961.

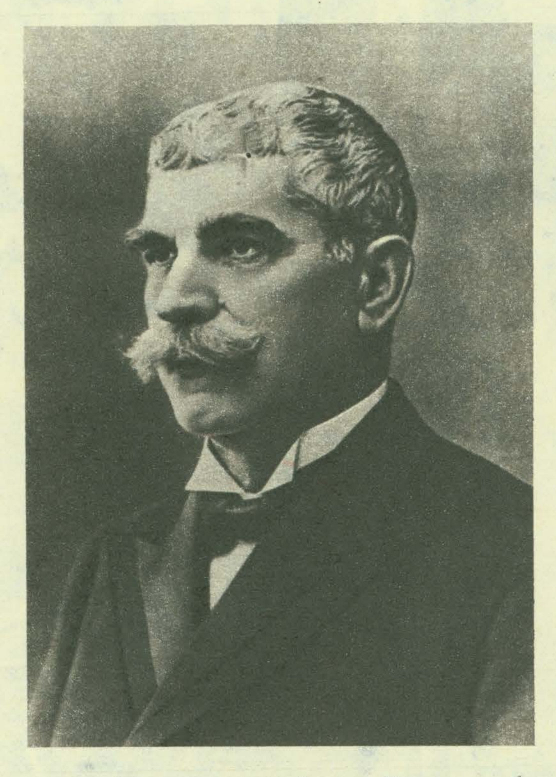

М. Абдуллаев. Род. 1921. ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА. Центральная часть триптиха. НА ПОЛЯХ АЗЕРБАЙДЖАНА. 1964—1965.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы»

К 125-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИВАНА ВАЗОВА

КАК БОЛГАРИЯ!

**Серафим СЕВЕРНЯК,
заслуженный деятель
культуры НРБ**

Иван Вазов — самый счастливый гений Болгарии. Без декретов и предписаний он получил звание народного поэта. Когда он умер, то был оплакан всей нацией, и газеты в течение месяцев писали о том, как из недр горы извлечен камень, который станет его надгробием, как доставляют камень, как его уже устанавливают...

Он полной грудью вдохнул охмеляющий апрель 1876-го, имел редкое счастье создать свои еще юношеские песни так, что они слились с фольклором, встретить освобождение Родины...

Мы без него — более полувека, но, к нашему счастью, к счастью нации, он присутствует в нас, в настоящем и будущем. В течение пяти десятилетий он был Болгарией и Болгария была в нем. И это сказано не для того, чтобы противопоставить его другим, каждый из которых — вершина: факелу Паисия, трубе Раковского, молнии Ботева,— а из всех вершин Ботев — самая головокружительная, высокая, самая невероятная и непостижимая,— но все они живут в нас и благодаря ему, Вазову. Потому что Вазову выпало счастье и жребий пережить все, что история и случай предназначили его народу. Пережить и перевоплотить в чувство и слово. Вазов горел окончанием одного из самых страшных рабств в мире, испил от чаши самой мимолетной свободы, вкусил сладкие надежды и горькие разочарования, и все падало на его могучие плечи, на его безбрежное и горемычное сердце.

Если бы мы имели своего Белинского, то, бесспорно, он назвал бы творчество Вазова энциклопедией народной жизни.

Написанное им — целая литература — от оды до реквиема, от рассказа до эпопеи, от сценки до драм-жемчужин, от путевого очерка до памфлета. К каждому жанру протягивал он свою трепетную руку, каждая тень и солнечное пятно освещены его не знавшим покоя сознанием! Знаменитый роман Вазова «Под игом», в котором изображено восстание болгарского народа в 1876 году, вошел в мировую литературу. Цикл его лиро-эпических поэм «Эпопея забытых» стал одним из венцов нашей поэзии.

И если иногда мы с болью могли бы сожалеть, что он не провидел и не обнял со свойственной ему страстью идеи первых социалистов, то мы не можем не видеть, что, по сути дела, он стоял недалеко от них.

В канун нашего века он написал стихотворение, строки которого стоит сегодня припомнить:

...Наследье печальное передает
Столетью двадцатому век уходящий:
Недугов чреда исцеления ждет,—
Быть может, в грядущем обрящет?

Иль снова нам жить по закону меча,
Иль разум своей не добьется уж власти,
А как бескорыстна и горяча
Всесветная жажда счастья!

...Вот он выходит из ширококрылых дверей желтого двухэтажного дома на улице, носящей его имя, и направляется вверх по улице Раковского. Там, где она перекрещивается с Русским бульваром, он поворачивает направо и идет к парку Свободы, конечной точке его ежедневных прогулок для отдыха и размышлений. Высокие каблуки его черных туфель постукивают по плиткам, заботливо сложенная накидка лежит на руке, другой он вертит тонкую трость. И странно: никто не оборачивается, чтобы с любопытством посмотреть на его вышедшее из моды соломенное канотье с твердыми полями. Он идет, никем не обеспокоенный. Возвращаясь, пройдет мимо строящегося собора Александра Невского и там, где древняя церковь святой Софии отбрасывает вечернюю тень, остановится возле гигантского камня, ставшего последней вехой его земного пути...

Да, в истории, полной превратностей и крови и озаменованной долгожданным восходом, мы имели поэта и писателя, необъятного творца, который — как Пирин и Рила, как Фракия и Мёзия, как Искыр и Марица...

Как Болгария!

РОДНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Недавно наш театр вернулся из Набережных Челнов, города героической стройки. То, что мы увидели здесь,— заводы, сияющие белизной кварталы жилых зданий и величественные проспекты, само название которых говорит так много,— имени Мусы Джалиля, Московский, Шишкинский,— поражает своей грандиозностью, не укладывается в обычные представления. Мы часто выезжаем на гастроли в разные города, но такого размаха свершенного, такого воплощения дерзновенного замысла видеть никогда не доводилось. Но более всего, больше самого КамАЗа и прекрасного города поражают и восхищают нас люди. Ненасытный, жадный интерес людей, радушие, расположение, тепло их сердец.

Мы ходили по корпусам, встречались со строителями на площадках, выступали перед рабочими ремонтно-инструментального завода в зале, расположенном над цехами. Только что кончилась смена, стоял знойный летний день, за окном в легком мареве лежала степь, но люди не уходили, они шли слушать нас. Зал был переполнен. Юные лица, пытливые, широко раскрытые глаза. Сотни лиц! А впечатление было такое, будто разговариваешь с каждым человеком в отдельности, будто только с ним одним. Именно эта непосредственность восприятия, сердечность вдохновляли актеров, никто не знал усталости. Были дни, когда, кроме вечерних спектаклей, мы давали по два шефских концерта, а в один день было даже четыре концерта на стройплощадках и в кинотеатрах. Нас захватила энергия великой стройки.

В театре немало молодых актеров: Наталья Гурзо, Владимир Ферапонтов, Валерий Виноградов... Им не занимать неутомимости. Но вот на эстраде перед спектаклями выступает ветеран театра и советского кино народный артист республики Александр Леопольдович Хвыля и вдохновенно читает стихи. Вот на сцене заслуженная артистка РСФСР Раиса Семеновна Куркина, артисты Нина Агапова, Феликс Яворский... Можно сказать, с таким подъемом мы давно не работали. Да разве можно было иначе? На заводе двигателей — он еще строится — не успели стихнуть аплодисменты, как нас окружили девушки в комбинезонах, обляпанных красками и белилами, и вручили каждому букеты ароматных полевых цветов, только что собранных в степи за цехом. Разве можно это когда-нибудь забыть?

В Набережных Челнах гастроли длились семь коротких дней. Мы показали два спектакля. Дали девять концертов на автосборочном заводе, литейном, заводе двигателей, выступали перед рабочими и строителями ТЭЦ и РИЗа в городских кинотеатрах «Чулпан» и «Чайка». За эти семь коротких и насыщенных дней мы получили боевой творческий заряд, которого нам хватит надолго.

А. АНОЩЕНКО,
заслуженный работник культуры РСФСР,
директор Театра-студии киноактера

Фото Л. Шерстенникова

Артисты Р. Куркина и Ф. Яворский во время концерта.

Сергей ВЛАСОВ,
Алексей ГОЛИКОВ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Фото Юрия УСТИНОВА

КЛЮЧ Н

— Ключ на старт!.. Дренажные клапаны закрыты. Пуск!.. Отходит заправочная мачта. Зажигание! Отошла кабельная мачта... Подъем! Счастливого вам пути,— желают с командного пункта первому советскому экипажу совместного полета космических кораблей «Союз» — «Аполлон».

— Good luck to you,— отвечает Валерий Кубасов.

Этот «полет» начался 18 июня в 10 часов 15 минут по московскому времени. Но начался он не на легендарном Байконуре, а в тренировочном зале Звездного городка. Космический хронометр командира корабля Алексея Леонова показывал в эти мгновения 15 часов 20 минут. Именно в это время 15 июля над бескрайней казахстанской степью начнется исторический полет.

Несколько дней назад Герой Советского Союза А. А. Леонов рассказал корреспонденту «Огонька»:

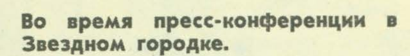
— Одна из особенностей совместного полета состоит в том, что им будут управлять из двух центров, расположенных на разных континентах. Это весьма непросто, тем более что ни наши, ни американские специалисты подобного опыта не имели. Управление же полетом космического корабля — дело сложное. Для этого используются значительное количество измерительных пунктов, вычислительные центры и много различных технических средств.

Чтобы успешно осуществить руководство полетом с разных концов планеты, наши специалисты ознакомились с американским центром управления, с их стартовой площадкой, с устройством «Аполлона». Специалисты США, в свою очередь, ознакомились с устройством «Союза», с нашей техникой управления, побывали на нашей стартовой площадке. Для надежной прямой связи между центрами управления совместным полетом установлено тринадцать телефонных каналов, два телевизионных, телетайпы. Затем специалисты приступили к тренировкам по согласованным программам.

Совместная подготовка к полету проходила следующим образом. У нас есть комплексный тренажер — действующая модель корабля «Союз». У американцев — «Аполлона». Наш экипаж занимал места в своем корабле, астронавты, которые будут участвовать в эксперименте,— в своем. А в центрах в это время работали те специалисты, которым предстоит управлять нами в реальном полете...

А пока здесь, в Звездном городке, проходит самая последняя тренировка советских космонавтов. Отрабатываются наиболее важные операции по управлению кораблем, вводятся в действие все его системы. Исключение составляют лишь те операции, что связаны со стыковкой и совместным полетом с «Аполлоном». Это уже отработано и закреплено актом, подписанным еще в апреле.

На тренировке все, как в реальном полете: и предстартовые команды, и рев двигателей, звучащий в шлемофонах космонавтов,

Во время пресс-конференции в Звездном городке.

А СТАРТ!

и мелькание звезд в иллюминаторах. На Земле можно имитировать все условия реального полета — все, кроме невесомости.

Перед началом тренировки Леонов и Кубасов, как абитуриенты на приемных экзаменах, тянут билет со списком помех, отказов, которые сегодня будут искусственно введены в программу полета. «Билет» запечатан в конверт, и пока его содержимое остается для космонавтов тайной. Его вскроют, когда они уже будут в «полете», и только тогда они узнают, какие неполадки в системе корабля им предстоит ликвидировать. Ведь в реальном полете можно ожидать любых сюрпризов, и космонавты должны быть к ним готовы.

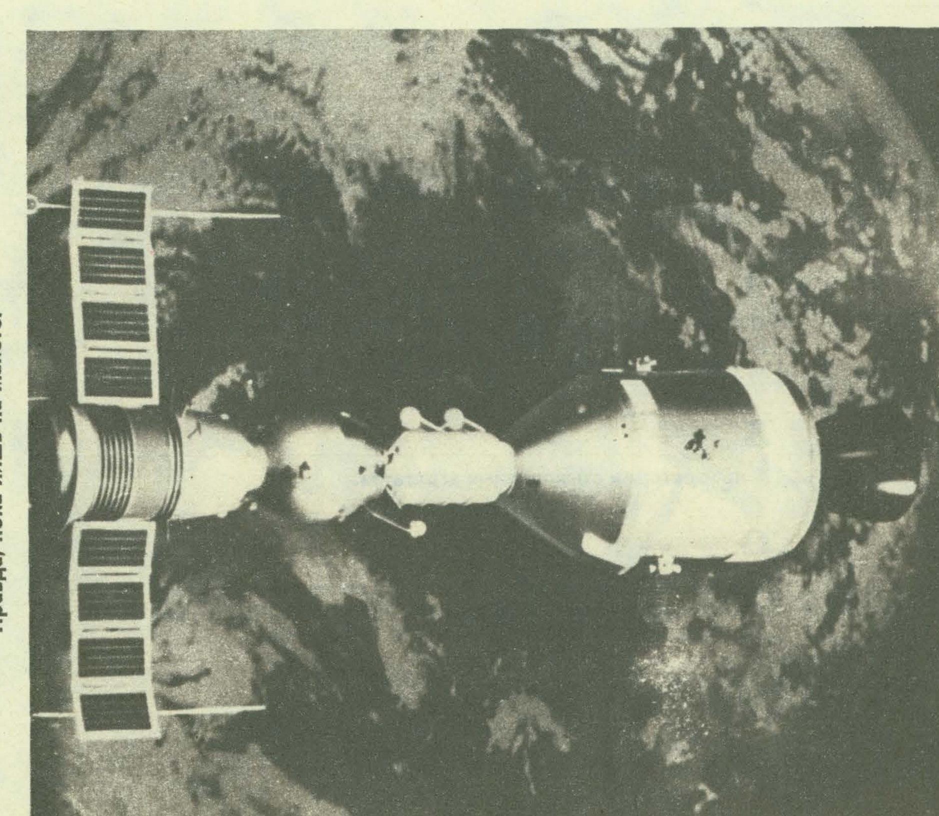
За тем, как действует экипаж в аварийных ситуациях, на командном пункте следят по инфракрасному телевидению. Его включение и отключение для космонавтов проходит незамеченным и поэтому не мешает их работе. К тому же с помощью такой скрытой камеры можно получать более полное представление о действиях экипажа. Проигрыш аварийных ситуаций показал, что Леонов и Кубасов, как, впрочем, и экипажи дублеров, отлично знают корабль и смогут справиться с любыми неожиданностями на орбите.

Последняя тренировка длилась 13 часов. Но эти часы вместили в себя все те дни, в течение которых будет длиться полет. 6 дней сжались в 13 часов. Был отработан весь комплекс действий космонавтов и наземных служб. Отработан четко и уверенно. «Этот день включил все, чем мы занимались два с лишним года,— скажет потом руководитель подготовки советских космонавтов, дважды Герой Советского Союза В. Шаталов.— Этот день еще раз доказал, что мы к старту готовы».

К старту готовы... А какой огромный труд целой армии ученых, рабочих и инженеров кроется за этими словами! Ведь три года назад многие технические различия «Союза» и «Аполлона» совсем исключали возможность стыковки кораблей! Несовместимы были средства поиска и сближения, несовместимы средства радиосвязи и оборудования для перехода космонавтов, и, что особенно важно, были несовместимы атмосферы «Союза» и «Аполлона».

На американских кораблях атмосфера состоит из чистого кислорода, а на советских она практически аналогична земной. Поэтому непосредственный переход из «Союза» в «Аполлон» невозможен — необходимо в специальной шлюзовой камере пробыть до 8 часов.

Конечно, это огромное неудобство, даже если говорить о научном полете. А представьте себе, что когда-нибудь один космический корабль будет вынужден спасать другой от смертельной опасности. Тогда не то что часы — минуты будут стоить целой жизни. Вот почему так важно было найти способ сократить время перехода из корабля в корабль. Это удалось сделать, уменьшив давление в «Союзе» и увеличив вдвое содержание кислорода в его атмосфере. Теперь время, необходимое для перехода, сократилось до получаса!

Первое в истории рукопожатие в космосе свершилось. Правда, пока лишь на макете.

Командир корабля «Союз» летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза полковник Алексей Леонов.

Командир корабля «Аполлон» летчик-астронавт США, бригадный генерал Томас Стаффорд.

Главная задача предстоящего совместного полета — создание таких технических средств, которые обеспечат стыковку кораблей, запущенных любой страной при любых условиях. Именно поэтому специалистами Советского Союза и США был разработан новый универсальный стыковочный узел.

Новый агрегат оснащен тремя выступами-лепестками, расположенными по окружности. Теперь при соприкосновении кораблей «лепестки» одного переплетутся с «лепестками» другого, оставив в центре такого «цветка» люк диаметром около одного метра для перехода космонавтов.

На первый взгляд может показаться, что в космической стыковке ничего сложного нет, ведь уже давно мы знаем о соединении в воздухе скоростных самолетов при дозаправке их топливом. Но в том-то все и дело, что осуществить стыковку в космосе намного сложнее. И вот почему. Самолетом можно маневрировать с помощью рулей, а у космического корабля их нет.

И все же без маневрирования при стыковке не обойтись. Его будут осуществлять с помощью бортовых ракетных двигателей.

А после расстыковки кораблей начнется уникальнейший космический эксперимент. «Аполлон» отойдет от «Союза», на время став для него как бы искусственной Луной, и создаст для «Союза» «солнечное затмение». Это позволит сфотографировать и исследовать солнечную корону, наблюдать которую в обычных условиях невозможно из-за яркого свечения Солнца. Это будет первое солнечное затмение, запланированное человеком.

Да, множество трудностей вставало на пути проекта «Союз» — «Аполлон». Но теперь они в основном уже позади. Позади и зачетная сессия с государственным экзаменом, на котором наши космонавты рассказывали, и заметьте, на английском языке, о том, чему они научились за эти годы.

Теперь, когда до старта остались считанные дни, когда баки кораблей уже заправлены топливом, все мы с нетерпением ожидаем результатов этого уникального полета. Но уже сегодня проект «Союз» — «Аполлон» дал, быть может, самые значительные результаты: в процессе подготовки наладились тесные рабочие отношения между сотнями инженеров и ученых обеих стран. Уже сегодня большой коллектив представителей двух стран, таких далеких и разных, живет одной дружной семьей. А сами космонавты уже давно стали друзьями. «У нас хорошие отношения,— говорил Томас Стаффорд,— и мы научились понимать друг друга... Для меня очень важно, что этот полет заложит фундамент для новых усилий наших стран как в космосе, так и на Земле. Я думаю, что так же, как космические корабли, мы сможем состыковать наши страны и наши сердца».

Испытания нового стыковочного агрегата.

2

Американский астронавт Аллан Бин и советский космонавт Анатолий Филипченко.

3

Технический директор проекта от США Глэн Ланни (слева) осматривает экспозицию павильона «Космос» на ВДНХ.

4

Добро пожаловать! Встреча на аэродроме Шереметьево американского астронавта Юджина Сернана с супругой.

5

В лаборатории стыковочных агрегатов.

6

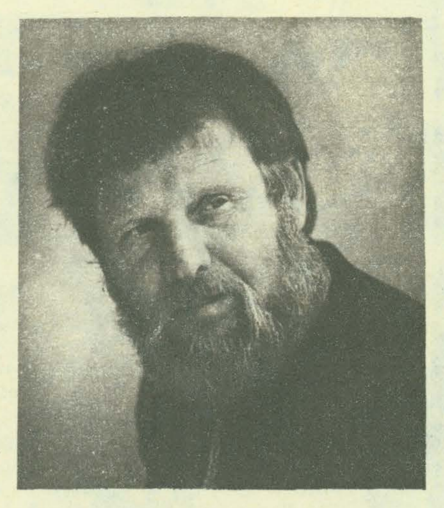
Технический директор проекта с советской стороны член-корреспондент АН СССР К. Д. Бушуев (в центре) во время испытаний стыковочных агрегатов.

1

2

4
5
6
3

СПАСИБО ТЕ

Алексей МАРКОВ

●

Моя мама была уборщицей
В паровозном депо, в душевой.
День-деньской в водостоке полощется,
Дышит паром и бранью мужской.

Только ходят под кофтой лопатки,
Да в ушах от усталости звон.
Были в доме сплошные нехватки,
Белым хлебом я был обделен!

Печь топилась мазутною жижей,
Земляные в бараке полы.
Летом плавилась ржавая крыша,
В декабре промерзали углы!

Но работала мама на совесть,
И, тщеславия не лишена,
Намекала, что движется поезд,
Потому что у дела она!

Пред начальством она трепетала,
Машинисты — ее божество!
Им поклонится первой, бывало,
И сияет лицом оттого.

По ночам от свистка паровоза
Вдруг проснется: «Случилась беда!» —
И в окошке глазок от мороза
Протирает, глядит в никуда.

Предо мною гордилась нередко:
«Я уборщица двадцать пять лет.
Вот за то мне и почести, детка!
Ни единой зацепочки нет».

А меня обходили девчата,
Клали мамин доход на весы.
Огольцы паровозовожатых
Воротили при встрече носы!

Мои милые махачкалинцы!
Тридцать лет мы в разлуке живем.
Я хочу вам хотя бы присниться
В пиджачке узкоплечем моем...

РАБОЧИЙ СТОЛ

Как дикий зверь, рабочий стол,
Его попробуй, приручи!
Садишься за него раз сто —
И не строки, хоть закричи!

Рабочий стол — гипнотизер.
Он монотонно шепчет: «Спать!» —
И ты тихонечко, как вор,
Ложишься снова на кровать.

Скрипит лениво: «Ах» да «Ох»,—
«Ты болен, кажется, всерьез!»
Почудится, и вправду плох,
Себя начнешь жалеть до слез!

Рабочий стол вздыхает: «Ты
Не догулял. Иди гулять!
Там воздух, солнце и цветы,
Девичьих взглядов благодать!»

Рабочий стол зудит: «И так
Немало сделано тобой!»
...Ты подними над ним кулак.
Работай словно чумовой!

Пускай зудит, что толку грош,
Не тот порыв, не тот накал! —
Мускулатуру обретешь.
А это тоже капитал.

●

Развел руками хлебороб
И сплюнул на землю:
«Однако
Что за погода! Просто гроб...
Февраль, а снегу кот наплакал!»

А дворник радостно вздохнул,
Скребком скребя по тротуару:
«Уж ветерок несет весну.
Всю зиму
денежки задаром!»

●

Метро — великое созданье
Архитектурного ума!
...Бывало, посинеют зданья,
Трещит деревьями зима,

А я — студент, она — студентка.
Полтинник заплатив всего,
Мы грели мраморную стенку,
Смеясь, не знаю, отчего!

Кругом светло, тепло... Еще бы!
В ладонях робкая рука!
Что нам завистливая злоба?
«Нашла дуреха дурака!

Как будто места нет другого,
Ишь, обнимаются при всех!» —
И поглядят уж так сурово,
Как будто вправду это грех!

В метро мы ездили, бывало,
Из одного конца в другой,
Покуда милицейский малый,
Стыдя, не прогонял домой!

Читал учебники возами,
Здесь, на скамейке, примостясь!
Метро! Созданье из созданий!
Спасибо, транспортная власть!

Спасибо теплому дыханью
Гостеприимных москвичей.
Плачу я стихотворной данью
За ласку отстучавших дней!

ДЫМ

Я люблю эту прозу простую —
Батарею с теплом у окна.
В непогоду, продрогший, вхожу я,
Руки зябкие греет она.

Но и все ж почему-то я часто
Навещаю избу за рекой.
Дым над крышею, здравствуй же, здравствуй!
Я пришел к тебе, милый, с тоской.

Нарисуй мое сельское детство,
На зеленом ветру развихрясь.
Вот, пожалуй, одно только средство,
Чтоб с минувшим не рухнула связь!

Над трубою привставши на лапы,
Ты как наш разлохмаченный пес.

Слышу хлеба томительный запах,
Освежающий запах берез.

Жаль, что сын, подрастающий рядом,
Не согласен с моею тоской,
Не поймет, как приятен и сладок
Этот вьющийся дым над трубой.

●

А лужа кажется глубокой,
Не потому ли, что мутна?
Лежит, довольная, до срока,
Пока не высохнет она.

Не наступи, а то утонешь,
Стоишь в испуге на краю!
Но палочкой отважно тронешь —
Там по колено воробью!

А родничок насквозь прозрачен,
И камешки видать на дне,
И желтые песчинки скачут
В такой доступной глубине!

Увидишь в луже только лужу,
А здесь хрустальная вода.
Родник бывает меньше, уже,
Мутней и мельче — никогда!

Концовки басенной не струшу,
Хотя от них мой век отвык:
В одном поэте вижу лужу,
В другом — живительный родник!

ПРИМЕТА

Говоришь: паучок — он к известиям,
Доброй вести сучит провода?
И куда они канули, бестии,
Эти добрые вести? Куда?

Я живу только мыслью единою:
Свежей новости выпить чуток!
Хоть всего обмотай паутиною,
Я не трону тебя, паучок!

●

Километраж машины
Считают в первый год.
Истертость новой шины
В холодный бросит пот!

Ну, а потом, волнуясь,
На счетчик не глядишь.
...Года считает юность,
А старость шутит лишь!

●

Что наделала ты со мною?
Так, пожалуй, сойдешь с ума!
Голос полон тоски и зноя,
Голос — женственность, ласка сама!

Голос таинств колдующих полон,
Голос ландышем отдает.
Женский голос печально-веселый —
Горечь сладкая, солнечный мед!

●

Нет, я не стал скупее в чувствах,
Я осмотрительнее стал.
О, как порой бывает грустно,
Что бисер без толку метал!

ПЛОМУ ДЫХАНЬЮ...

Мне надоела мелочь схваток,
Любовь, что как пожар в лесу.
Вот потому-то чувств остаток
Так осторожно я несу...

МИРАЖ

Почему-то декабрьской порою,
Если ночь и не видно ни зги,
Лишь глаза на мгновенье прикрою —
Лепестки, лепестки, лепестки...

Кружат белые-белые всюду.
Солнце, солнце и свет голубой.
Восемнадцатилетнее чудо
В белом платье — моею судьбой...

Почему бы, хоть рядышком жены,
Мир над нами — не дымный блиндаж,
Давней юности, пулей сраженной,
Возникает далекий мираж...

МОСКОВСКИЕ ПЕРЕУЛКИ

Люблю вас, домики Москвы
В уютном переулке древнем,
Укрытые до головы
Ветвями вековых деревьев.

Здесь можно с книгою присесть
За столиком, видавшим виды,
И можно отдышаться здесь
От незаслуженной обиды.

Водопроводный кран в тени,
По камешкам бежит водица.
Поди, рукою зачерпни,
Напиться можешь и умыться.

А осенью, когда вокруг
Раздвинется завеса листьев,
Атланты обнажатся вдруг,
Что жизни без труда не мыслят.

Колонны белые сродни
Российским вековым березам.
В старинных фонарях — огни,
И не смотри на древность косо!

На этой улочке постой,
В окошке полюбуйся светом.
Покажется, что Лев Толстой
Сидит наедине с планетой.

Откроет дверь в печальный сад
Ермолова совсем седая,
Вдохнет осенний аромат:
«О боже, тишина какая!..»

...Карета мирно прошуршит
Цветным ковром листвы опавшей...
Нет, мне дороже были наши,
А в старине я только гид.

Дома старинные Москвы
С манящим взглядом человечьим!
Для форса не привыкли вы
Выпячивать надменно плечи.

Парадной чужды суете,
Живете где-то в переулке.
Вдруг, изумляясь красоте,
На мостовой застынешь гулкой...

●

Никто не знает жажды так,
Как необидчивый верблюд.
Бредет. В зрачках горячий мрак,
От тишины и зноя — гуд
В ногах, в тяжелой голове,
В усталых, выцветших глазах...
Один лишь коршун в синеве
Сопровождает мерный шаг.

И, как верблюд, глотком воды
Кто может упиваться, кто?
Прохладу пьет на все лады —
Губами,
грудью,
животом.

— Вода! Да здравствует вода!
Течет она по горлу всласть.
Похоже, пьет он на года,
Прохладой остужая пасть.

Как горн, пылающую пасть...
Как знать, еще удастся где
Всем существом своим припасть
К лучистой,
сладостной воде!

●

Нет места на вершинах горных
Для мутной, пенистой воды.
Она срывается упорно
К подножью каменной гряды.

Недолог век обидам вздорным
В душе высокой мудреца.
Подобные потокам сорным,
Уходят в небыль до конца!

МАНЕВР

Порой в бессмысленности дел
Не знаешь, на кого пенять!

Комдив дивизии велел
Петлять ущельями, петлять...
Доходим, отирая пот,
Команда слышится: «Назад!».
И снова начинай поход
Туда, сюда и так стократ!

Под тяжестью не чуем рук,
О камни ноги сбиты в кровь.
Манит прилечь трава вокруг,
Зовет прохладных кленов кров,—
А мы без отдыха, без сна
Пять дней и пять ночей живем.
Горит соленая спина,
Сухой, как жесть, паек жуем.

Но ты солдат. Ходи, ходи,
Вперед! Приказ не обсуждай!
Беспечно песню заводи
Про милый сердцу отчий край!

Теперь-то я понять могу,
Что это трудный был маневр:
Пускали пыль в глаза врагу,
Как будто прибывают с гор
Все новые на фронт войска!
Со страхом фрицы пусть глядят!
Тогда стучала кровь в висках
И озлоблялся я — солдат!

ОБЫЧАЙ

Есть обычай мудрый на Востоке:
Повстречается в пути кунак,
И не близкий, а совсем далекий,
Познакомились, не помнишь, как?

Руку он подаст и долго держит,
В незнакомые глаза глядит:
«Где же мы с тобой встречались? Где же?
Не припомню, хоть убей, джигит!
Но не важно!
Как аба[1] — здорова?
Как ана[2]? Все так же молода?
Как твой дедушка белоголовый?
Как отец? Хороший тамада!..
Как твоя красавица сестричка?
— Не сестричка у меня, а брат.
— Как он чувствует себя? Отлично?
Ну, а тетка? Вроде Аминат?
Улыбается в ответ знакомый.
Аминат, не Аминат, а рад.
Все припомнит из родного дома,
А ошибся в ком-то, виноват.
Но зато осведомлен подробно,
Что кручинушки на сердце нет,
Не поранен клеветою злобной,
Сам шути и шутки жди в ответ!
Разве хорошо плясать лезгинку,
Если человеку тяжело.
...Вспоминаю это, как новинку,
Я, давно покинувший село...

●

На острове пасутся мирно,
Как сотни лет тому назад,
Лошадки в разнотравье жирном,
Зеленым лакомством хрустят.

Как встарь, полощет солнце гриву,
Склонясь над синею рекой,
На сердце тихо и красиво,
И суматохи никакой!

●

Отзовись, Полина Фомина,
Первая в училище красавица!
Неужели в том моя вина,
Что не мог никак тебе понравиться?

Нынче про себя скажу: «Буйнакск...»
И лучом дорожка ляжет в прошлое,
Подарившее немного ласк.
Но упрека горького не брошу я.

Я не знал, что сделать для тебя,
Чтоб взглянула на меня поласковей,—
И среди сокурсников-ребят
Заблистать решил я всеми красками!

Миру солнце показать решил.
Ты стояла на балконе, дерзкая,
Не касаясь пальцами перил,
Словно бы залапанными брезгуя.

Я отважно оседлал турник —
Начал солнышко свое показывать.
Только... без страховки не привык,
И была картина напрочь смазана!

Оторвался, с маху полетел
Не куда-то, прямо в ящик мусорный,
Чуть не плакал, от стыда горел,
До чего ж на сердце было муторно!

У ребят в глазах застыл испуг.
На балконе стайки сверстниц вскрикнули,
Ты сказала: «Бедный-бедный!» — вслух,
И, сбегая по ступенькам, хмыкнула!

Потемнели горы для меня,
Что всегда казались светло-синими.
Ну, а ты... Ни искорки огня
Для тебя не вспыхнет в моем имени...

---

[1] Аба — мама.
[2] Ана — бабушка.

Виктор ЛОГИНОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ТРЕТЬЕ МОРЕ

Два моря испокон веков омывали кубанскую землю: Азовское — на западе, Черное — на юге. А теперь разлилось третье — между городами Краснодар и Усть-Лабинск. И хотя на картах оно именуется водохранилищем и по сравнению с настоящими морями выглядит просто крошечным, кубанцы на это внимания не обращают: они нарекли рукотворный водоем морем. Кубанским морем!

Новые карты Краснодарского края появились в конце прошлого года. По ним видно, как разбухло бывшее Тщикское водохранилище. Словно прорвав свой западный берег, оно растеклось по степи к Краснодару, где и уперлось в дорогу, ведущую в сторону курорта Горячий Ключ. Оно остановилось у почти двенадцатикилометровой прямой и высоченной плотины. Уже не Тщикское, а Краснодарское. То самое третье море благословенного кубанского края.

На новой карте это довольно большое синее пятно. Длина его в натуре почти пятьдесят километров, ширина в среднем около девяти, проектная емкость — свыше трех тысяч миллионов кубометров. Чем не море для степняков, привыкших сызмальства ценить и беречь каждую каплю воды? В нынешнем году оно полностью войдет в строй, кубанская мутноватая вода зальет все бухты и заливчики на южном его берегу...

Впрочем, если считать моря, то не четвертым ли оно окажется, Кубанское море? Четвертым, если иметь в виду, что своеобразным морем до сих пор выглядит и то пространство северо-западнее Краснодара и южнее Приморско-Ахтарска, которое издавна называется Приазовскими плавнями. Воды здесь, как говорится, хоть отбавляй. Но эта вода — без резко очерченных берегов, гнилая и капризная. Иногда она разливается на десятки километров, затопляя культурные поля, а потом уходит в глубь болот, прячется в дремучих камышах. Это вода-бездельница и вода-разбойница, ускользнувшая из-под власти человека во время бурных паводков Кубань-реки.

Так было. Кубань насыщала водой плавни, а сама, промотав богатство, оставалась ни с чем, мелела и чахла. Плодороднейшие земли томились от жажды. Полям нужна была вода, много, очень много требовалось летом воды, и она была близко, в плавнях. Но как ее оттуда взять? «В плавни водица попала — считай пропала». Значит, оставалось одно: перехватывать ее по пути к морю и к плавням, собирать где-нибудь в степи. С этой целью еще в предвоенные годы соорудили Тщикское водохранилище. Была и другая цель: предотвратить наводнения, чуть ли не каждый год наносившие многомиллионный ущерб районам, расположенным в низовьях Кубани.

Во второй половине шестидесятых годов началось строительство самого крупного на Северном Кавказе искусственного водоема — Краснодарского. Первая его очередь пущена на год раньше срока, в 1973-м. В 1974-м введена вторая очередь, и как раз вовремя — за считанные дни до особенно бурного паводка. Кубань напоследок могла натворить больших бед, но разгуляться ей не удалось: паводковые воды были перехвачены и направлены в гигантскую чашу Кубанского моря — на хранение. И теперь уже навсегда был отрегулирован бессистемный, стихийный сток Кубани.

Кубанское море плещется всего в нескольких километрах от центральной улицы Краснодара. В городе чувствуется его дыхание. Воды в море все больше, она все ближе к предельным проектным отметкам. Это вода для риса. В основном для риса.

БЕЛОЕ ЗЕРНО

В Краснодаре, на фасаде дома № 1 по улице Коммунаров, висит мемориальная доска: «В этом доме жил (1930—1937 гг.) ЖЛОБА ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ, герой гражданской войны, командир прославленной Стальной дивизии». Тот самый легендарный Дмитрий Жлоба, о котором еще не написано достойной его имени книги. Книги не только о герое гражданской войны, но и о кумире кубанских рисоводов. С него начинался кубанский рис. А начинался он совсем не легко.

«Нужно ли разводить рис на Кубани? Кубань — край пшеничный, край кукурузный. Не лишняя ли это затея — рис?» С такими вопросами столкнулись первые рисоводы. И если энтузиазм у них не угас, то благодарить за это надо в первую очередь Дмитрия Жлобу, с его железной настойчивостью, с его верой в науку.

Первые кубанские рисоводы в тяжелейших условиях, фактически с одними подводами да лопатами-грабарками в руках, одержали большую принципиальную победу: на их крошечных рисовых чеках, на земле, отвоеванной у болот, была доказана возможность и целесообразность рисоводства в Краснодарском крае.

Рис на Кубани получил права гражданства. До войны была создана Кубанская рисовая система. К 1941 году она занимала больше двенадцати тысяч гектаров, было собрано тридцать семь тысяч тонн риса,— цифра по тем временам значительная.

О первых тысячах тонн белого зерна до войны говорили с гордостью, с восхищением. Какая удача! И где добыто это богатство — на заболоченных, как будто бесплодных землях! Рисоводы заглядывали в будущее, им грезилась где-то в отдалении заманчивая, фантастическая цифра — 100. Взять сто, а может быть, и больше ста тысяч тонн риса. Как только район Приазовских плавней был освобожден от оккупантов, кубанские рисоводы вновь пришли на рисовые чеки, восстановили разрушенное и вскоре довели валовой сбор риса до рекордного довоенного уровня. Довели, перевалили, увеличили — сначала вдвое, потом втрое, вчетверо.

В 1965 году Кубань собрала 160 тысяч тонн риса.

В 1970-м — 380 тысяч тонн.

В 1974-м — 608 тысяч!

А вот и наметка на 1980 год — миллион тонн!

Что вмещается и что еще может вместиться между этими цифрами — тридцать семь тысяч тонн риса в предвоенный год и миллион тонн к концу десятой пятилетки? Годы? Да. Сорок лет. Но для такого колоссального роста валовых сборов риса это не так уж и много, если не забывать о войне и ее последствиях. Что же еще — основное, главное? Труд! Труд поистине гигантский. Труд-преодоление. Труд-поэзия. Осмысленный, опирающийся на первоклассную современную технику.

Одна за другой вводились в строй рисовые оросительные системы. Сложнейшие инженерные сооружения. Гидроузлы, насосные станции, оросительные и сбросные каналы, новые карты-чеки с широким фронтом залива и сброса воды. Выводились новые сорта риса, из года в год совершенствовалась агротехника его возделывания и росла урожайность. В прошлом году с каждого из ста тридцати тысяч гектаров кубанских рисовых полей было собрано почти по пятьдесят центнеров зерна.

Краснодарский край был определен как район интенсивного развития рисосеяния на базе мелиорации земель.

В 1974 году Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР рассмотрели предложение Краснодарского крайкома КПСС и крайисполкома и приняли постановление об ускорении работ по освоению приазовских плавней. К 1980 году намечено освоить под рисовые плантации еще 100 тысяч гектаров плавневых земель и довести ежегодный валовой сбор риса на Кубани до одного миллиона тонн. На плавневых, заболоченных и засоленных землях, которые сегодня еще непригодны для сельского хозяйства. Это задача, пожалуй, историческая. Именно так к ней и относятся кубанские мелиораторы. Выполнение ее даст стране тот самый кубанский миллион тонн риса. Сначала миллион...

Кубанский рис — самый дешевый в стране. Он один из самых урожайных, весомых. Ну, а качество? Каков он на вкус?

Вот свидетельство узбекских ценителей плова. К одному краснодарскому журналисту приехали гости из Узбекистана, и наш товарищ решил угостить их узбекским пловом, приготовленным из кубанского риса. И вот фирменное блюдо подано на стол. Узбекские друзья попробовали, переглянулись: превосходный! Они закидали хозяина дома вопросами: «Как готовил, какой рецепт знает? Даже из самого лучшего, знаменитого ханского риса мы не ели такого плова!» «Рецепт тот же, старый, как мир,— ответил хозяин.— Только рис другой, наш — кубанский».

В КРАЮ ГОЛУБЫХ ПОЛЕЙ

Два кубанских рисовых гиганта — Красноармейский и Славянский районы. А напротив — за Кубань-рекой — третий гигант, Абинский район. Это пестрый, живописный край рисовых чеков, где в мае, после сева, облака нежно отражаются в голубых оросительных заводях. Здесь можно отыскать почти все лучшее, что характеризует кубанский рис. За опытом, как правило, ездят в города Славянск-на-Кубани, Абинск и в станицу Красноармейскую.

Больше всего риса в Красноармейском районе. Он дает почти четвертую часть всего кубанского белого зерна. И львиная доля тут принадлежит ордена Трудового Красного Знамени опытно-показательному рисосовхозу «Красноармейский». Этим хозяйством давно уже руководит Герой Социалистического Труда А. И. Майстренко. Батька Майстренко, как любовно называют его тут. Знаменитый на Кубани человек, яркого самобытного дарования, недюжинного ума, крестьянской природной сметки и той удалой, с легкой долей ухарства, истинно русской смелости, той самой, которая, по народной поговорке, города берет, он достойно продолжает дело Дмитрия Жлобы. В его хозяйстве урожаи перевалили за шестьдесят центнеров с гектара. А ведь совсем недавно здесь лишь мечтали о пятидесяти центнерах. Сам Алексей Исаевич теперь полушутливо сетует:

— Говорили, возьмешь пятьдесят — на руках будем носить. А получил шестьдесят — и как будто так всегда было.

Доля правды в этой шутке, конечно, есть. К ежегодным успехам здешних рисоводов привыкли. Еще в 1971 году один из старейших поливальщиков совхоза Алексей Герасимович Магелат получил по девяносто центнеров риса. И не с гектара, не с пяти, а с пятидесяти. Кудрявый рекордный сноп риса с того поля стоит сейчас под стеклом в кабинете первого секретаря Красноармейского райкома КПСС, Героя Социалистического Труда П. Т. Бадрана. Четко выделяется цифра 90,1 — заманчивый ориентир! Огонек, зовущий в будущее. Баснословный урожай этот вряд ли реален в ближайшие

●

Этот сорт носит имя «Кубанец-575». Он проходит государственные испытания.

Алексей Погиба — тракторист хозяйства «Красное».

Молочно-восковая спелость.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Рисовые поля, словно гигантские зеркала, в которые смотрится небо.

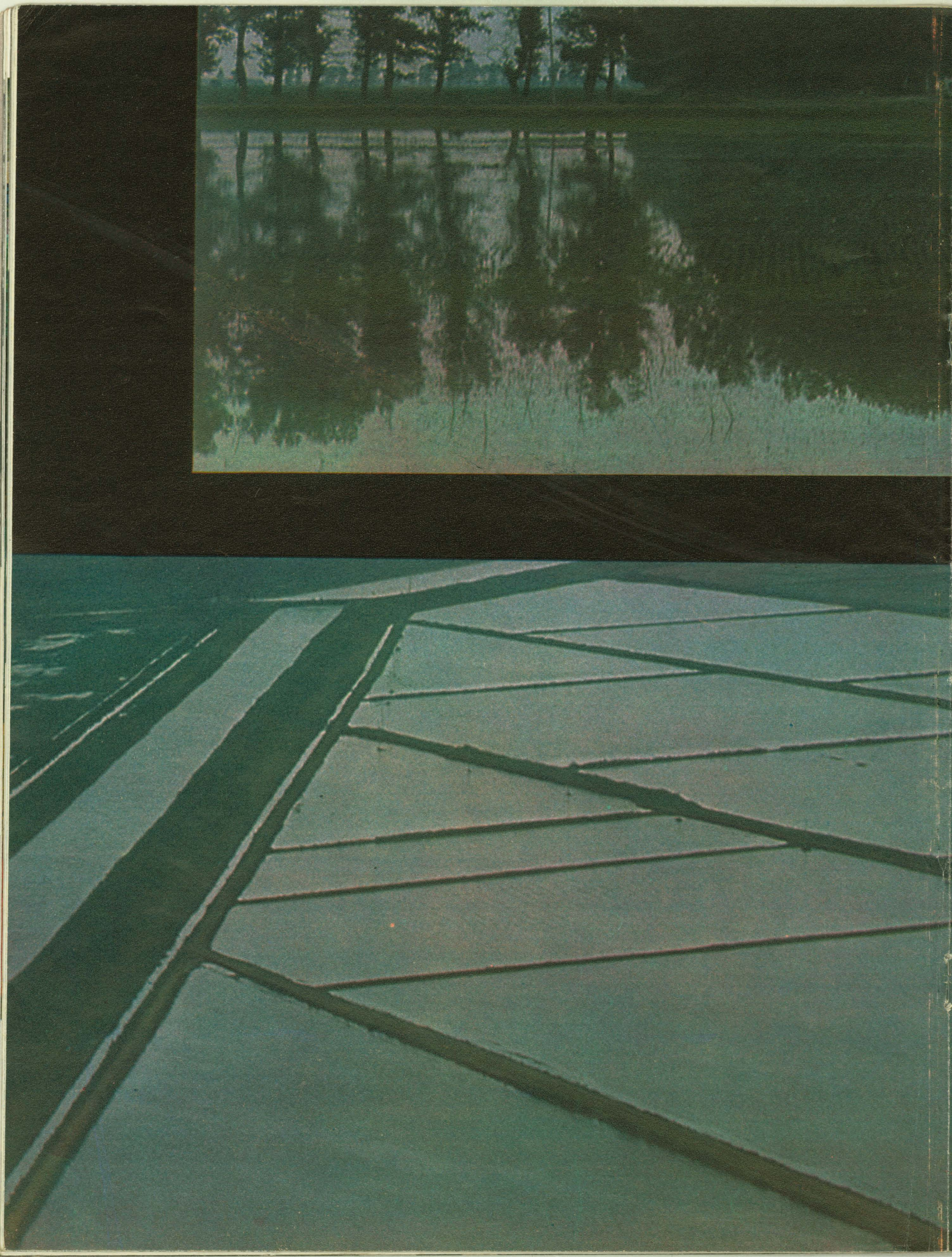
Мелиоратор Александр Косов.

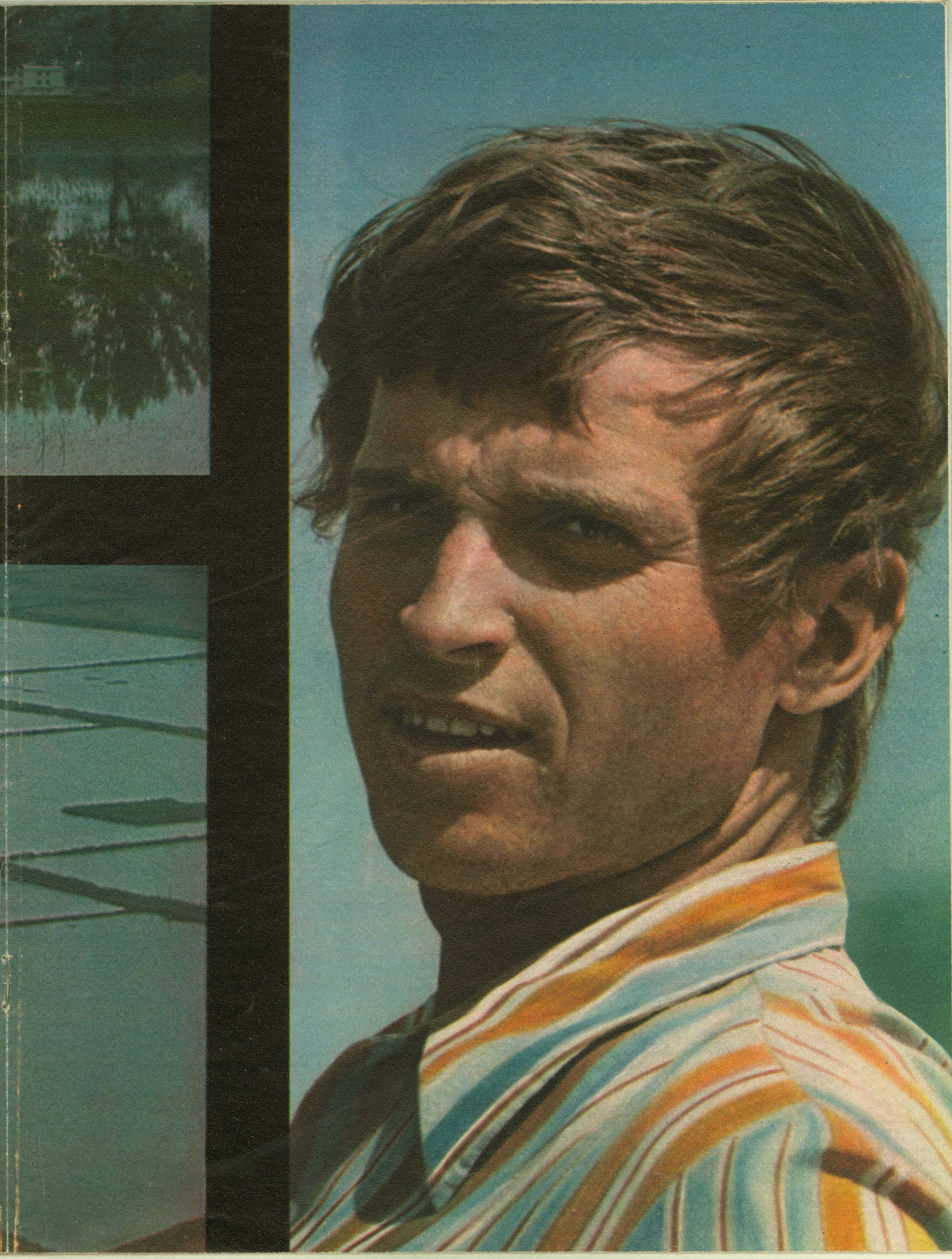
РИС КУБАНИ

годы на всех районных площадях. Но умеет же батька Майстренко на тысячах гектаров брать по шестьдесят с лишним!

...Абинский район от Красноармейского разделяет река Кубань. Южнее ее раскинулись рисовые плантации абинчан. Рисоводы они молодые. Лишь десять лет назад взялись за новое для них дело. С тех пор, за десять лет, площади под рисом увеличились, опять же за счет болот, раз в десять. Но еще важнее другое: значительно повысилась урожайность. В этом году обязались поставить рекорд: взять по пятьдесят пять центнеров. А вообще-то дерзкие абинчане нацелились на 60 центнеров. Они много экспериментируют, ищут резервы.

За соревнованием рисоводов следит вся Кубань. От чеков, на которых работает знаменитое на Кубани механизированное звено Героя Социалистического Труда Владимира Колесникова из колхоза «Искра», до чеков почти еще никому не известного звеньевого Николая Шараты из колхоза «Россия», как говорится, рукой подать. Работают рядом — Колесников на левом берегу Кубани, Шарата — на правом. В сводках их в один ряд еще не ставили. Владимир Колесников в 1973 году возглавил всекубанский поход за большой рис. Обязался получить по семьдесят центнеров с гектара. Два года подряд перевыполнял обязательства. А Николай Шарата звеньевым работает лишь первый год. Но примерно с такого же участка в прошлом году получил 65,9 центнера. Ставить их рядом вроде бы еще рано — десятки звеньев по урожайности пока что к Колесникову ближе. Но боевое, состоящее наполовину из молодых женщин звено Николая Шараты в нынешнем году смело заявило: будем штурмовать рубеж Колесникова! В колхозе даже кое-кто всполошился: «Микола, шо ты наробыв?» Николай отвечал коротко: «Сделаем!» И по тому, как дружно все тринадцать членов звена принялись весной за работу, видно, что возьмут они большой рис. Сделают!

Край голубых рисовых чеков славен умельцами. Всех не назовешь. И все же еще об одном таком умельце нельзя не рассказать.

РИСОВЫЙ ПРОФЕССОР

— Никаких секретов у меня нет, но хитрость одна имеется. Какая? А вот: весь день на системе сиди, да за рисом следи, работай совестливо. За ним надо ухаживать, как за девушкой! — так говорит поливальщик Н. А. Лиферов.

Николай Александрович Лиферов — чудо-поливальщик, рисовый «профессор». Работает он в звене у Владимира Антоновича Колесникова. Это к нему идут и едут за секретами. Он гигант в своем деле, так о нем говорят. А гигант этот выглядит щуплым подростком. На голове у него кепка с маленьким козырьком. Вот он весь тут, Коля Лиферов. Но это лишь на первый взгляд. Стоит поговорить с Николаем (он еще молод, далеко ему до сорока), он как бы вырастает на глазах, и тогда слово «гигант» уже не кажется придуманным для броской фразы. Лиферова возвышают его природный ум, знания, манера держаться, в которой нет ничего от суетливости и суесловия, хозяйская уверенность и, наконец, любовь к рису, преданность этой трудной культуре. Но разве Николай работает на чеках с малолетства? Разве он природный рисовод? Да нет же, всего лишь девятый сезон трудится здесь, а до этого был трактористом, риса и не видел. Правда, теперь он «понимает» его с полуслова... Понимает, чувствует. Так значит талант? Безусловно. Сам Николай Александрович говорит так:

— Главное — труд, вернее, трудолюбие. В этом вся хитрость. Рис не пшеничка, которую посеял, дал ей минеральную подкормку и — жди, когда поспеет. На рисовой карте у поливальщика до жатвы десятки дел: то заливает воду, то сливает, то кормит растения минеральными смесями, убивает гербицидами сорняки. Одна борьба с просянками — самым страшным врагом риса — сколько сил отнимает! Ежегодно. Просянки — сорные растения. А есть вредители ползающие, плавающие, летающие — разные комарики да жучки. У каждого из них свой срок, с каждым надо расправиться беспощадно. Иначе риса не будет. Регулируй, поливальщик, воду, не спускай с риса глаз! Ну, а если вырос рис, если налилось зерно — не спеши радоваться раньше времени. Это еще не победа. Поскорее коси его, молоти. Да не раз, а дважды! Успевай, успевай, поворачивайся! Можно и прилежно выращенный рис потерять на уборке. И теряют — до десяти и даже пятнадцати центнеров с гектара...

Со своих карт рисовый «профессор» меньше семидесяти центнеров не получает. В прошлом году за ним было закреплено почти сорок гектаров. И собрано с каждого из них по 81,6 центнера. А личный рекорд Николая — сто три центнера. Был у него такой, девятигектарный, чек.

Лиферов секретов не таит. Все у него на виду. Приходи к нему — расскажет и покажет. Целое лето он как бессменный часовой маячит на рисовых валиках.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Об этом человеке, о Евгении Павловиче Алешине, тоже надо рассказать. Говорить о кубанском рисе и не упомянуть профессора Алешина?

Он каждый четверг садится за руль и едет к абинчанам, в колхозы «Искра», «Россия», имени Кирова... В четверг обязательно, как на службу, но часто и в другие дни недели. У абинчан профессор свой человек. Тут его знают все. Избрали Алешина почетным членом звена Колесникова. Рекомендации и указания профессора тут имеют силу закона. Потому что выверены они на опыте.

Я написал: ездит, как на службу... Неправда! Для Алешина все, что касается риса,— не служба, а страсть. Он и стихи сочиняет о рисе.

Мы говорим: связь науки с жизнью, с производством... Вот прекрасный пример того, как ученый подвижнически связан с землей, отдает ей все, что может, сражается за ее плодородие, как истый рыцарь риса.

В Кубанском сельхозинституте Евгений Павлович Алешин заведует кафедрой физиологии и биохимии растений. Он мог бы довольствоваться одной преподавательской деятельностью. Ограничивают себя так сотни других ученых. И кое-кто из коллег смотрит на Алешина косо. Мотается, мол, по колхозам, закладывает опытные делянки, воюет с нерадивыми поливальщиками. Зачем, что ему надо? Равнодушные, завистливые люди, которые больше всего на свете ценят собственное спокойствие, Алешина не понимают. Он и сам таких не понимает и не признает. Рис — главное дело его жизни. И ему надо, чтобы кубанский «рисок» давал на больших площадях по сто и больше центнеров с гектара. Об этой мечте... Нет, об этой задаче он говорит страстно. Совсем недавно на слете рисоводов ученый заявил, что урожайность гектара риса может выражаться трехзначной цифрой. Только надо не мечтать, а смело ставить и решать такую задачу. Поливальщик, действуя в содружестве с наукой, этого добьется. На опытных делянках Алешина урожаи превышают сто центнеров, и здесь это воспринимают как явление привычное.

Впрочем, иного скептика урожай на опытных участках не убедит. А какова, мол, отдача на колхозных полях? Ну хотя бы, чего добился Алешин в пределах того же Абинского района?

Цифры скажут. Вот они: 47 и 53 — округленные. По 47 центнеров с гектара собрано в крае, по 53 — в Абинском районе. За счет этого абинчане только в прошлом году получили около трех миллионов рублей прибыли. «А без него, без профессора Алешина?» И абинчане твердо отвечают: «Этого не было бы».

Цифры сказали, но не все. В районе резко повысилась культура земледелия, изменилось отношение к рису. Выросли рисоводы, уважающие науку. А это — залог успехов будущих лет. Мечта Алешина (да, это уже мечта) — взять с гектара сто пятьдесят центнеров риса. Он убежден: земля Кубани даст такой урожай. Только ей надо помочь.

Евгений Павлович молод, энергичен, подвижен. Его видят везде, где растет рис — в Темрюке, в станице Красноармейской, на адыгейских чеках. Но сердце его отдано абинчанам. И когда в Абинском районе спрашивают: «А кто он такой, Евгений Павлович Алешин?» — можно услышать ответ: «Четвертый секретарь райкома. По рису». Или скажут: «Наш профессор. У нас их двое: Коля Лиферов, поливальщик, да Евгений Павлович, доктор наук».

●

Химия — урожаю подспорье.

Специальность Людмилы Паршиной — пикетажист.

В тихий час заката.

Е. Алешин и Н. Лиферов.

Плавни Приазовья — под рис!

ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ...

«Довожу до сведения редакции, что журнал «Огонек» ползет от Москвы до Тольятти с гораздо меньшей скоростью, чем несколько столетий назад»,— так начал свое письмо наш подписчик А. В. Нератов. И продолжает: «Судите сами. Сегодня 17 июня, а последний полученный в Тольятти номер журнала — двадцать второй, который вышел 31 мая. И это не эпизод, а система. Разберитесь, пожалуйста, в этом неуважительном отношении к вашим подписчикам».

Конечно, в этих словах есть доля преувеличения: ведь «Огонек» несколько столетий назад не издавался. Но какова же реальная картина? В связи с этим редакция обратилась к заместителю отдела распространения издательства «Правда» Ю. С. Рыцеву с просьбой познакомить нас с графиком отправки двадцать второго номера «Огонька» в город Тольятти.

Вот что он нам сообщил:

— Огонек № 22 вышел из печати 31 мая 1975 года. 6 июня в 0 часов 54 минуты он был отправлен поездом № 922 с Казанского вокзала Москвы в город Куйбышев. На место прибыл в 10 часов 02 минуты следующего дня. По графику отправка журналов из Куйбышева в Тольятти должна была произойти 8—9 июня.

На этом миссия отдела распространения издательства, положившего начало двухнедельному опозданию «Огонька», закончилась, теперь в действие вступило Главное почтовое управление Министерства связи СССР в лице отдела экспедирования печати и доставки почты.

Начальник этого отдела Г. Е. Левина объяснила нам, что отправленные из Москвы экземпляры журнала «Огонек» могли быть задержаны на станциях Куйбышев или Тольятти, а также в доставочном предприятии. Для того, чтобы выяснить вопрос о виновниках задержки, издательству «Правда» надо направить в Главное почтовое управление контрольно-потировочный лист.

Но мы решили действовать иначе. Поскольку жалоба читателя попала непосредственно к нам, редакция обращается ко всем лицам, ответственным за доставку «Огонька», и к нашим читателям с просьбой познакомить редакцию с фактами плохой доставки журнала.

Хочется обратить внимание на то, что уже первое наше знакомство с этапами прохождения журнала от издательства к читателю наводит на мысль о нецелесообразности действующего графика, в котором запланированы задержки и простои.

Выставочный зал Союза художников республики.

Будущее...

ТАШКЕНТ –

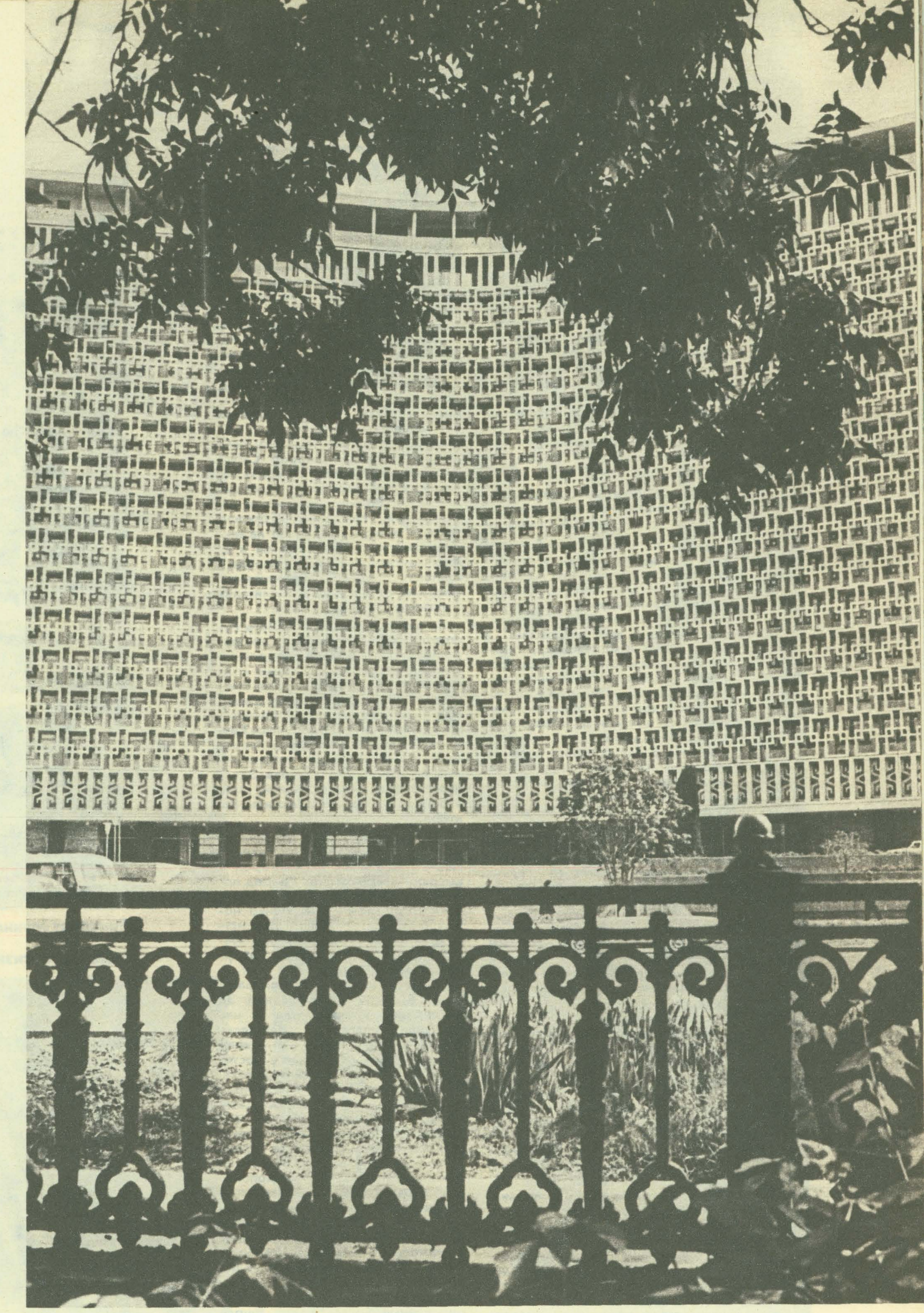
Вячеслав **КОСТЫРЯ**,
фото
Дмитрия
БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные
корреспонденты
«Огонька».

С крыши двадцатиэтажного здания, облицованного бирюзово-синей глазурованной керамикой, хорошо видна бывшая Кашгарка, эпицентр землетрясения. Кажется, совсем недавно там ворочали стрелами десятки подъемных кранов. Теперь там — белостенные дома, зеленые газоны в радуге оросительных фонтанчиков, набирающие силу дубки и платаны.

Далеко за свои прежние границы шагнул Ташкент. И хотя во многих местах, особенно в старогородской части, еще желтеют целые массивы из глины, уже и к ним подошли краны. За долгие века Ташкент накопил около 8 миллионов квадратных метров, как говорят, «старосложившегося» жилого фонда. За девять же последних лет в городе построено 8,5 миллиона квадратных метров благоустроенного и, главное, сейсмостойкого жилья!

И как тут не вспомнить брезентовый Ташкент. В палатках жили и коренные ташкентцы и приехавшие к ним на помощь. Это колыбель нового Ташкента. Вот две надписи на палатках. Одна озорная: «Трясемся, но не сдаемся!». Другая вроде бы загадочная: «Я — это 15!». Помнится, как паренек вытирал тюбетейкой рыжее от пыли лицо и разъяснял мне смысл той надписи: «Республик-то сколько у нас? Советскую Конституцию надо знать, дорогой...»

Поднимали город из руин посланцы всех республик. Со всех концов страны хлынул в Ташкент поток строительных грузов, механизмов, современной техники.

Гостиница «Узбекистан».

ГОРОД НОВЫЙ

Ударный темп всенародной восстановительной стройке был задан в первые же часы, когда в Ташкент прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев и Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Выражая сердечную благодарность народам-братьям, пришедшим на помощь ташкентцам, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов писал: «Узбеки издавна говорят: «Явился сосед — явилась помощь». Этой поговорке сотни и сотни лет... Но в наше время и тысячелетняя мудрость обретает новые грани... Все новые и новые этажи поднимаются в солнечную синеву ташкентского неба. И естественно, что и древние поговорки «надстраиваются». Теперь говорят:

Мир улыбнется — солнца свет.
Мир пальцем шевельнет —
новый Ташкент!»

Идешь по новым, преображенным улицам-проспектам и словно совершаешь путешествие по Стране Советов. «Челябинск», построенный челябинцами, — дом с рельефной кирпичной кладкой, оказывается по соседству с таким же «Смоленском», «Киев» с «Новосибирском», «Подмосковье» с «Минском», «Ленинград» с «Алма-Атой», «Тбилиси» с «Вильнюсом», «Баку» с «Кишиневом», «Рига» с «Фрунзе», «Таллин» с «Душанбе», «Ашхабад» с «Ереваном». Не более получаса езды от «Москвы» на Пушкинской улице до кварталов «Москвы» на Чиланзаре, а между ними целый массив «Украины». Впечатляющая география дружбы народов!

Устремились в небо семнадцатиэтажные Дом печати и гостиница «Узбекистан». Радует глаз бело-голубая — под цвет хлопка и неба — чаша Выставочного зала художников, увенчанная мраморными хлопковыми коробочками: как же Ташкенту без такой приметы! И весь проспект Ленина окаймлен светильниками в виде стилизованных хлопковых коробочек на длинных стеблях.

Ташкентцы привыкли к ним. А гости города, впервые увидев, нередко говорят:

— Похоже на ключи... Это ключи от города?

Да, это настоящие ключи не только от города, но и от всей республики — основной хлопковой базы страны. Узбекская ССР уже в четвертом году пятилетки превзошла рубеж, намеченный Директивами XXIV съезда КПСС: Родина получила более пяти миллионов тонн узбекского хлопка.

Как ни трудно было с жильем в первые годы после землетрясения, неуклонно рос промышленный потенциал Ташкента. Еще быстрее растет он теперь. А это предопределяет, естественно, и значительное увеличение населения.

Во время нашей беседы председатель Ташкентского горисполкома Вахид Ахунович Казимов сказал мне:

— Вот статистические данные. Уже сейчас в Ташкенте проживает один миллион семьсот тысяч человек. Достигнут предполагавшийся уровень 1980 года! На 1990 год демографы планируют два с половиной миллиона. Если учесть, что нормой стало положение «каждой семье — отдельную квартиру», крепко еще придется поработать над заменой старого, наспех подремонтированного жилья. Квартира — это газ, водопровод, канализация и, главное, сейсмостойкость. Последнее же требует особых затрат. Прибавьте еще условия жаркого климата, когда каждое деревце, каждая травинка рассчитывают не на даровой дождь, а на искусственный полив.

Мы встретились с главным архитектором Ташкента Сабиром Рахимовичем Адыловым у мемориала Неизвестному солдату, возведенного в самом центре города, на Аллее парадов к 30-летию великой Победы над фашистской Германией.

— Начало новому Ташкенту, собственно, здесь,— говорил Сабир Рахимович.— Память о героях Великой Отечественной, отдавших жизнь за Родину, за мир на нашей земле, священна. В бронзе, граните и мраморе встал на века мемориал погибшим воинам и во Фрунзенском районе города, у братских могил фронтовиков, умерших от ранений в госпиталях Ташкента.

На пересечении улиц Шота Руставели и Волгоградской, по широким ступеням аллеи городов-героев, украшенной стелами с их именами, поднимаемся на площадь, к мраморному венку Славы. Над ним терраса, где покоится прах 1 600 воинов. Здесь чаша Вечного огня. Здесь бюсты Героев Советского Союза Джурахона Усманова и Виктора Малясова. Здесь заложена капсула с землей, привезенной из Бреста, с могилы Виктора.

— Это еще одно священное место,— сказал Сабир Рахимович.— Мы строим новый город с высоким чувством долга перед потомками. Особое внимание придается комплексной застройке новых массивов и полной реконструкции таких районов, как Октябрьский, Хамзинский, Сабир-Рахимовский, названный так в честь прославленного генерала, героя Великой Отечественной. За последние четыре года у нас справили новоселье пятьдесят тысяч семей, построено около тридцати школ, более шестидесяти типовых детских комбинатов, более ста километров трамвайных и троллейбусных путей, двенадцать мостов, путепроводов, тоннельных переходов. Однако транспортная проблема еще не решена. Большие надежды возлагаем на метрополитен, первую очередь которого,— двенадцать километров,— намечено сдать в 1977 году. В десятой пятилетке у нас будет много дел. Значительно повышены требования к качеству проектов и их исполнению, планируем максимально использовать типовые унифицированные детали домов, широко применять прогрессивные конструктивные элементы и новые материалы — сборно-монолитный железобетонный каркас зданий, легкие бетонные и алюминиевые конструкции, армированное стекло, цветные бетоны, глазурованную керамику для отделки фасадов зданий, встроенную мебель.

Растет вширь и ввысь новый Ташкент, город мужества, город мира, город дружбы народов.

Проспект Мукими.

Вода— это жизнь.

Память о героях нетленна!

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

БЕРЕГ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Туго и однотонно гудели реактивные моторы, самолет уже три четверти часа вместе с этим гулом нес свое железное тело среди небесного холода на высоте девяти тысяч метров, оставив внизу и позади светящийся угольками аэропорт Гамбурга, и после законченного ужина, что на подносиках разнесли в начале полета мило предупредительные стюардессы, после раздачи пледов, шелеста газетами и журналами был пригашен верхний свет в жемчужных плафонах, откинуты спинки кресел, задернуты гофрированные шторки иллюминаторов, и стало как бы пустынно, сонно в теплом, затихшем салоне с дремлющими пассажирами, успокоенными красным вином и минеральной водой, шерстяными пледами, вибрирующей мощностью современных двигателей, надежным гулом обещающих всем благополучный полет и благополучное приземление.

Горячая и жесткая боль возле сердца не давала расслабиться, заснуть Никитину, ему не помогла таблетка валидола, не сняла боли — он знал, что это было последствием четырехдневного напряжения, сверх меры выпитого коньяка, крепкого кофе, неполного сна, усталости, вчерашнего ночного разговора с Самсоновым, неприятного, резкого, почти оттолкнувшего их друг от друга. Разговор этот был неприятен еще и потому, что Самсонов точно бы в несдерживаемом порыве обвинения хотел громкой, выявляющей их отношения ссоры, хотел ядовито уколоть, унизить, ударить липкими, осудительными словами, и оставался в памяти его озлобленный, мечущийся по номеру взгляд, его закованный металлом голос: «Так что может быть общего у тебя и господина Дицмана, ответь!»

В аэропорту они перебросились несколькими фразами, не примирившими их, в самолете же вновь произошел вздорный разговор, и потом, ужиная, молчали. Поужинав, Самсонов раздраженно полистал иллюстрированный журнальчик, пощелкал глянцевитыми страницами, сунул журнальчик в кармашек спинки, скрестил на груди руки и, завалив назад голову, казалось, задремал, сердито сморщась.

Огромная осенняя луна до огненной багровости раскаленным шаром, подробно видимая отчетливыми светотенями, стояла недвижно за иллюминатором в черной пустоте бесконечного холода, и Никитин не мог оторваться от нее. Она тянула его к себе — магически близкая, яркая,— в ее ледяном блеске, в ее приближенной величине и недосягаемости мерещилось ему что-то тайное, врачебное, успокаивающее боль в сердце, от которой он боялся пошевелиться.

Металлическая плоскость крыла висела над глубиной высоты, и там, внизу, серебристо-голубоватая, лежала пустыня облаков, покрывавших ночную землю, и, не пробиваясь к земле, весь лунный спокойно-яростный свет неживым бликом сверкал на плоскости самолета над провалом глубины, лился в иллюминатор, в его толстые, двойные стекла. И порой Никитину мнилось, что этот лунный свет просачивался сквозь густо-фиолетовую воду, что он летит не на девятикилометровой высоте, а скользит на подводной лодке, под океанскими толщами воды, сжатый ими. Ему стало душно.

Он включил вентилятор над головой — ворвалась струя воздуха.

Теперь все осталось давно позади и внизу, скрытое этими безжизненно осиянными ноябрьской луной облаками. Там, далеко внизу, было прощание, обед, взаимно благодарственные тосты во время обеда с господином Вебером и господином Дицманом, приехавшими в отель за полтора часа до отъезда в аэропорт, снятые шляпы, улыбки, рукопожатия около машины, нагруженной чемоданами, затем несколько томительное ожидание рейса в ресторане аэропорта, большом, шумном, пахнущем синтетикой и духами, снова кофе, коньяк, заказанные Лотой Титтель, и молчание, синие тени усталости под глазами госпожи Герберт, напряженно курившей сигарету за сигаретой, и внезапная на пятнадцать минут задержка самолета по причине непогоды, вызвавшая вдруг тревожную радость на бледном ее лице, и слова Никитина, полушутливые вроде бы, о том, как прекрасно было бы поспать здесь, в уютном ресторане при аэропорте, прямо на чемоданах, но после этого — объявление рейса, движение пассажиров за столиками, на креслах, на диванах и облегчение оттого, что все кончилось наконец-то,— объявлена посадка, завершающие секунды которой особенно мучительно помнил он сейчас.

Допив кофе, не выказывая последнее волнение, они пошли к выходу, где перед стеклянной дверью, приготавливая посадочные талоны, выстраивалась очередь солидных деловых людей с портфелями, и здесь начали прощаться. Он, по-прежнему говоря что-то дружеское, шутливое Лоте Титтель, первой протянул ей руку, однако она, смеясь, возразила: «Не так, не так! Я женщина, хоть и артистка! Уж если я приеду в Москву, то вы узнаете обо мне по большому шуму, который я наделаю»,— и обняла, звучно, крепко поцеловала в губы его, потом Самсонова, а когда он, подавляя смущение, повернулся к госпоже Герберт,— увидел разъятые до пронизывающей синевы, будто подставленные ужасу ее глаза. Она с глухим вскриком кинулась к нему, уткнув голову ему в плечо, шепча так страшно, так обреченно, что огненным ожогом ударило по сердцу и он задохнулся от вскрикивающего ее шепота:

— Вади-им! Вади-и-им!..

Он, растерянный, не ожидавший этого, неловко поцеловал ее куда-то в висок и со стыдом, не совладав с мигом растерянности, оглянулся, уже пройдя мимо контроля. Она, вся тонкая, вытянувшаяся, в коротком плащике, заметном полуоткинутым капюшоном, постаревшая и прежняя Эмма, еще видна была за стеклянной стеной вместе с Лотой Титтель, энергично махавшей перчаткой, и белое ее лицо, ровно подсвеченное неоном, выражало отчаяние, беспомощность, физическое страдание, как тогда ночью, много лет назад, когда они прощались.

Он помахал им обеим издали в последний раз, излишне весело улыбаясь, и, еще слыша переворачивающий душу ее шепот: «Вадим! Вадим!» — пошел в заторопившейся толпе к самолету по бетону очень ветреного аэродрома: рвало портфели из рук, загибало края шляп.

Потом в самолете Самсонов, устраиваясь на своем кресле, шумно возясь, вытянул на колени пристяжные ремни и подозрительно воззрился на Никитина, удивленно фыркнул губами, говоря:

— Ничего себе прощание, поразительно! Да с госпожой Герберт ты прощался, как с женой или любовницей! Что с ней? Что с тобой? Объятия, крики, поцелуи при всем честном народе! Значит, выходит, ты ночевал у нее вчера?

— Бесконечные идиотские вопросы ты задаешь, черт тебя возьми! — ответил резковато Никитин, отворачиваясь к иллюминатору.— Ты ошалел в Германии, дорогой Платоша, и это я должен тебе сказать совершенно откровенно!

— Кто ошалел из нас — еще о-огромный вопрос! — вспылил Самсонов.— Может быть, совсем наоборот? Со-овсем! Кажется, не я, а один мой знакомый напорол немцам мистической ерунды, чем вызвал неслыханный восторг и взаимопонимание! И не один ли мой известный коллега в конце концов потерял голову с некоей, так сказать, госпожой Герберт? Так кто же ошалел?

— Кстати,— сказал Никитин, усмехнувшись,— нам стоило вместе съездить в Германию, чтобы до конца выяснить отношения. Может быть, они и были невыявленной трагедией. Я не жалею. Так проще и яснее.

— В общем, да! — Самсонов повел по салону иконным взором мученика, сложил на животе руки, наставительно проговорил:— Пройдет время, ты вспомнишь все и будешь мне благодарен за то, что я вытащил тебя из этой клоаки. Дорогой мой, тебя бурно осыпали гонораром, вокруг тебя сюсюкали, вертелись всякие господа Дицманы, и какая-то непонятная, мягко говоря, госпожа с «мерседесом», которая таскала тебя по ночным кабакам,— не догадываешься, что стояло за этим?

— Я чуть-чуть поездил по Западу, дорогой мой,— сказал Никитин, ответно выделяя это насмешливо-снисходительное «дорогой

Окончание. См. «Огонек» №№ 12—20, 22—27.

мой»,— и бывал в разных обстоятельствах, Платоша. Но то, что ты держался надутым индюком, будто все знаешь о людях и мире,— смешно и глупо, как перец в чае! Напролом пёр с бонапартовской фанаберией, как будто тебя окружали одни кретины!

— Я занимал свою позицию, дорогой мой! И совесть моя чиста, представь! Абсолютно чиста!

— Так вот, прошу — займи и сейчас твердую позицию по отношению ко мне, помолчи до Москвы. Едва ли мы поймем друг друга.

Сцепленные на животе толстые пальцы Самсонова стиснулись, затем бо́льшие пальцы сделали заводящие обороты один вокруг другого, он выговорил голосом злого негодования:

— Надо полагать, ты считаешь меня патентованным идиотом! Благодарю! Если хочешь, я тебя спасал от всей гнусной возни, от тины, которая тебя засасывала, а ты уже земли под собой не чуял!..

— Спасал? От кого?

— От Дицманов! От этой немки! Неужели думаешь, она пригласила тебя на дискуссию из лирических чувств, чтобы только сентиментально посмотреть на тебя, мило повздыхать? Поулыбаться тебе? Попить с тобой коньяк? А нет ли здесь другого — не нажимал ли, прости уж меня, на твою прелестную госпожу Герберт с определенной целью этот субчик Дицман? Ты хорошо знаешь, кто он?..

— Прими, пожалуйста, мое предложение,— холодно прервал, не дослушав его, Никитин,— помолчим до Москвы. Я устал. Очень устал. И у меня нет желания соучаствовать в твоих домыслах, даже если бы ты был Шерлоком Холмсом, Мэгре и майором Прониным, вместе взятыми.

— Великолепно, помолчим. И еще раз благодарю тебя за выясненную правду наших искренних отношений. Нашей выявленной трагедии. Твои искренние чувства ко мне вызывают слезу умиления.

— Крокодилово умиление. Так надо было закончить, Платон.

— Охо-хо, Вадим, охо-хо. Не узнаю я тебя, не узнаю.

«Искренность отношений? — думал Никитин, уже отдаленный от Самсонова тягостным молчанием, напоминавшим холодом чернеющую трещину во льду.— Искренность, которая убивает все. Он хочет под прикрытием искренности поставить меня в какое-то слабое, унизительное положение, в чем-то даже обвинить меня. Что отдалило нас? Почему я злюсь на него? Неужели здесь, за границей, он никак не мог сдержать то, что отвратительно проявилось тогда в «Праге»? К чему он ревновал? Его раздражало внимание ко мне? Ревновал к тому, что госпожа Герберт общалась со мной? За что же, за что? Его искренность, в сущности, похожа на ненависть ко мне. Но странно — я ничего дурного не делал ему никогда. Да отчего же это мне так плохо? Бесконечное курение, коньяк, ночи без сна...»

Свежая струйка ветерка, ворвавшаяся в маленькое отверстие вентилятора из лунного пространства ночного неба, холодила ему голову, но боль возле сердца не утихала, охватывала грудь тихой щемящей горечью, близкой к тоске, какая бывала в минуты приступов, и тоска, и усталость, и вчерашняя бессонница, и ощущение неудовлетворенности собой, и неприязнь к Самсонову, и растерянно-жалкое, бледное лицо госпожи Герберт, внезапный ее в последнюю секунду вскрик: «Вадим, Вадим!»,— вскрик прежней Эммы, и этот свой поцелуй, торопливый, неловкий — все было в болезненных перебоях сердца, и, чтобы забыться, отвлечься от беспокоящей его боли, он стал заставлять себя думать о том благостном моменте, когда самолет, пойдя на посадку, мягко ударится колесами о бетон аэродрома в Шереметьеве и, страшно ревя моторами на холостом ходу, покатится по земле мимо сигнальных огоньков посадочных полос; потом пахучий и родной ветерок на аэродроме, ни с чем не сравнимая тишина, родная речь, проверка паспортов, ожидание багажа и затем погрузка в такси, обшарпанное, дребезжащее, и скромные огни московских улиц с неяркими витринами, лица прохожих, очереди на троллейбусных остановках, фигуры милиционеров-регулировщиков на площадях, и разговор с шофером после выкуренной иностранной сигареты, любопытствующим, как т а м живут, и, наконец, милый, как всегда, на том же месте, старый и добрый знакомец дом, исцарапанный лифт, запах подъезда, двойной, заученный звонок в дверь на девятом этаже, свет в передней и сияющее радостью лицо жены: «Вадим, наконец-то!» — и ее родственные губы, прильнувшие к его губам, еще, кажется, липким, сладким от посадочных карамелек. Она никогда не провожала и не встречала его в аэропорту — так было заведено им и ею с первой его поездки, и оттого бывал неожиданен и радостен приезд...

«Только не торопиться,— подумал Никитин, так явственно испытав несколько секунд счастливого приезда, что услышал звук голоса жены, увидел ее и себя в чистоте своего кабинета, чем-то нового (какой-нибудь лампочкой, статуэткой, купленной в его отсутствие), с кипой газет, бандеролями, стопкой писем на журнальном столике, аккуратно для него сложенной, с листком бумаги поверх писем, где записаны фамилии тех, кому он был нужен, кто звонил, спрашивал его и ждал.— Нет, я не должен думать о доме. Иначе время будет тянуться невыносимо. Я слишком соскучился по жене, по своему кабинету, поэтому не думать. Когда сяду в такси, когда выедем из аэропорта на шоссе — только тогда... Несколько дней. Я возвращаюсь раньше срока... Но почему мне кажется, что я не был дома целую вечность? Почему это я чувствую сейчас? Будто где-то далеко, вне дома, вся жизнь прошла. Когда мы вылетали в Германию, какая-то фраза вертелась у меня в голове. Какая же фраза? Ему, моему герою, снился сон в детстве. Он, обессиленный или раненный, лежит на кирпичах на заднем дворе. Она наклоняется над ним, кладет его голову к себе на колени. Он был влюблен в ту девочку. Они жили в одном дворе.

Но фраза, фраза... какая фраза? Я забыл ее. Не надо вспоминать, не надо напрягаться. Она придет сама. Если придет... Впрочем, может, она и не нужна. Сейчас никаких фраз. Я устал от фраз. Какой был жалкий и страшный этот крик: «Вадим, Вадим!..» И как уткнулась она головой мне в грудь. А я молчал, слов не было, бормотал что-то нелепо. И нелепо поцеловал ее... Она держалась в ресторане, но потом этот крик. Крик отчаяния. Она будто просила меня о чем-то. Рим, Рим... Почему она так любит Рим? Площадь Навона... Когда я был в Риме? В позапрошлом году. Была тоже дискуссия — о чем? Кажется, я был там неделю. Почему она так любит Рим? — думал он под однообразный рев моторов, глядя на луну, на ее бегущее по крылу излучение немого пустынного света в немой беспредельности ночи, вызывающего все то же неразрешенное чувство незаконченности, тоскливой оторванности от чего-то, что томило его и оставалось не понятым им.— Почему именно Рим, а не Париж?»

И он заставил себя представить Рим и вдруг увидел, почувствовал его так осязаемо, так детально, что поразился своему ясному ощущению этого города, казалось, забытого им. Было тогда жаркое солнце, апрель, и были древние пинии, кокосовые пальмы, напоминающие нечто совсем курортное, южное, и были знойно слепящие стеклом улицы, белизна домов, тенты над балконами, гофрированные шторки на окнах, и громада-скала полуразрушенного Колизея, вечное великолепие собора святого Петра с его границей таинственного Ватикана и огромной площадью, заставленной блистающими, как сама цивилизация, автомобилями, автобусами туристов разных национальностей, и как возвращение на много веков назад, кабриолетами; горький запах бензина, перемешанный со все-таки приятным здесь запахом лошадиного пота и навоза, что нестеснительно убирали на площади лопаточками загорелолицые веселые кучера, зазывающие туристов; монахини в черном и белом одеянии, заметные бледными, худыми лицами, подъезжающие на мотоциклах с истовым спокойствием опытных таксистов; неопределенного пола хиппи с ниспадающими ниже лопаток гривами волос, с немытыми шеями, бренчащие на гитарах у солнечных ступеней площади Испании, целующиеся парочки на широких парапетах; толпы туристов возле фонтана Треви, всегда обдающего прохладой, где в прозрачной зеленоватой воде серебристо посверкивают брошенные монеты на дне; уютно тихая площадь Навона, этот римский Монмартр, с голубями, садящимися на мольберты художников, продающих картины и этюды, вокруг которых дети гоняют по брусчатке футбольный мяч, разрисованный шахматными квадратами; и продавец многоцветных воздушных шаров, и кем-то упущенный синий шар, одиноко уплывающий в золотистое закатное небо над этой благословенной площадью какого-то сладостного и прошлого умиротворения; торговая улица Корсо, забитая машинами, сияющая витринами универсальных и роскошных маленьких магазинов, толпы на тротуарах, мелькание черных, марсианского вида очков, коротких штанишек, телесных колготок, обтягивающих ноги женщин, видные сквозь распахнутые легкие пальто; столики кафе под полосатыми тентами; хозяева на лестничках, по утрам промывающие стекла своих ресторанчиков; и в этом же Риме — Аппиева дорога, наполовину каменная, наполовину асфальтовая, слышавшая когда-то поступь деревянных сандалий Сципионовых легионов, разрушенные придорожные здания, остатки каменных оград, ворот, отдельные глыбы-камни, вросшие в древнюю землю былого римского величия, и рядом, сбоку дороги, на зеленой траве, в тени пиний остановившиеся «фиаты», детские коляски, молодые красивые женщины и мужчины, одетые по-пляжному, в позах воскресного отдыха, сидящие на раскладных стульчиках; и неумолчный центр — грохот трамваев, стреляющий треск мотоциклов, сумасшедший хаос почти нерегулируемого движения, какого нет даже в Париже, туманец в воздухе от выхлопных газов, вереницы неподвижных машин вдоль тротуара, и среди узкого коридора — неразрывный, затормаживающий толчками и стремительно катящийся, нетерпеливо гудящий поток других машин, в которых куда-то едут, спешат, смеются, разговаривают, молчат, целуются во время остановок незнакомые юные и пожилые люди, подобно муравьям в растревоженном муравейнике, придумавшем средство передвижения по своим муравьиным артериям, мчатся точно по заданной немыслимой программе, по замкнутому кругу, что не имеет ни начала, ни конца,— и весь этот невероятный город тогда весной мельтешил, сверкал, гремел, ослеплял, оглушал, и лишь иногда возникший в стороне знак древности овевал на секунду, как прохлада, как намек на спокойствие.

«Почему она любила Рим? Она говорила, что в Риме у нее бывало прекрасное настроение? На площади Навона, где сохранился островок тишины среди сущего ада?»

А ему было неуютно в этом городе, чересчур шумном, чересчур переполненном туристами, он жил один, русский, в пансионе близ площади Испании, с крохотным домашним лифтом, подымающим и опускающим за три лиры, в комнате на южной стороне, подчеркнуто старинной, заставленной бархатными креслами, с просторным балконом-солярием, затененным растениями от солнца, и большим зонтом, под которым он, всегда разбуженный по раннему утру бешеным треском мотоциклов, завтракал,— ледяное масло из холодильника, похрустывающие белые булочки, фруктовый джем, ароматный на утреннем воздухе кофе, не остывающий в металлическом кофейничке,— завтракал, кормил голубей и смотрел на окна какого-то учреждения напротив, где что-то делали, сидели за столами, печатали на машинках, смотрел на дальние купола соборов, на силуэты Рима, дрожащие в жаркой уже синеве, а внизу, невидимое под балконом, давно грохотало, кипело стадом машин ущелье еще прохладной улицы,— и до того, как спуститься вниз, он заранее испытывал тесноту толпы, вонь бесконечного на дне ущелья выхлопного марева, знойное мерцание автомобильных стекол, круговорот площадей, неес-

тественность механического и людского вращения, там, на горячих под солнцем каменных улицах, невозможно было закурить: в горло удушающе лезла гарь бензиновых газов; нечем было дышать, воротничок свежей сорочки через полчаса потно прилипал к шее (к вечеру он был уже темным, приходилось менять рубашку), давил, раздражал галстук; припекало голову, быстро притуплялось внимание от апокалипсической жары, гула, блеска, многолюдности, и возникало утомление, хотелось пить холодное пиво, сидеть где-нибудь в жидкой тени, утратив любопытство к красотам Вечного города, и мысли ползли ленивые, равнодушные, ровные: «Зачем? В чем смысл этого сверкающего, безумного муравейника? Есть ли этому мера, и где остановка? А куда дальше?»

Даже перенаселенный Нью-Йорк (он был там зимой, три года назад) со своей хвастливой небоскребной роскошью, бронзой и мрамором «центров», биржи, электроэнергией Бродвея, ошеломляющего неистовостью рекламного веселья, даже Париж со своей туристской суетой и автомобильными скоплениями не подавляли его так, как подавлял хаотичностью прокаленный солнцем Вечный город.

«Почему она любила Рим? Она говорила, что ей легко там...»

И тогда — в те дни, проведенные в Риме, он тосковал не по Москве, не по ее мягким летним вечерам с первыми огнями фонарей (что он любил), уходящими в поздний земляничный закат в проеме улицы, не по зимним утрам с хрустальными конусами нанесенных метелью новых сугробов, а совсем по другому, что стало мучить его несколько лет назад, после поездки в места, где он родился и жил до пяти лет,— места, куда его потянуло вдруг и куда с пересадками на разные самолеты лететь надо было дальше, чем до Америки.

И, бреясь утром в пансионе перед большим зеркалом, отражавшим белые выключатели, стерильный глянец раковин, никелевых крючочков, или лежа в ванне под ветерком из открытого окна, он, глядя на зыбкое дрожание зайчиков по чистоте кафельных стен, не без волнения ловил в памяти солнечный сентябрьский сибирский день...

Тогда внизу извивалась, долго блестела плесами Тунгуска, прорезая буро-желтое нескончаемое пространство тайги, и солнце, проходя по озерам, вспыхивало в них и в изгибах реки, направляя вверх световые пучки перемещающихся зеркал, как будто оттуда, с земли, нацеливали ослепительные зайчики в окна двенадцатиместного, потрескивающего, как примус, самолета, который часто делал крутые виражи, ложился резко на крыло так, что чудилось, пассажиры, разом замирая, накренивались как над пропастью над этими зеркальными внизу петлями Тунгуски, над этими блещущими озерами, подобными стеклянным полянам в тайге. А потом, когда наконец сели «на десять минут перекура» (так сказал летчик), поразила несказанная тишина, легчайшее дуновение сладкого полевого воздуха, приносившего запах сена (стога виднелись на краю травянистого аэродрома), близкое и сонное сияние реки, тихие домики над водой,— было во всем что-то деревенское, покойное, забытое, пришедшее из детства,— из хрупкого мира давних снов.

Его потрясла, его оглушила и эта воздухообильная первобытная тишина и умилило первое ощущение от поселка его детства, что мерещился ему не раз летним ароматом теплой травы на улочках и сахарным снегом до окон в декабрьские утра,— поселок, где он родился, воображался ему раньше почти городком на берегу Тунгуски, но теперь, наяву, предстал очень маленькой, уютной, грустной чем-то деревней, устланной дощатыми настилами вдоль домов, прижатой тайгой к реке. Но особенно — и не только в Риме — вспоминалась одна ночь, когда, познакомясь с молоденьким студентом из Иркутска, приехавшим сюда к родственникам, они в сопровождении Матвея Лукича, семидесятилетнего старика, знавшего отца Никитина в годы его работы здесь учителем, пошли километров на десять в тайгу, за глухарем, и, умаявшись до крайнего изнеможения на глухих болотцах, наломавшись по кочкам марей, заночевали в сумерках на берегу Умотки, притока Тунгуски, речушки узкой, извилистой, текущей под пихтами меж желтых густых трав, среди глубинной и невозмутимой тишины осенней тайги, изредка лишь нарушаемой писком синиц.

Он очнулся глубокой ночью, весь озябнув, на лапнике елей, наваленном на корнях деревьев, и сразу увидел над собой сквозь ветви пихт такое черное, огромное звездное небо, такие по-предзимнему яркие, высокие, крупные созвездия, горевшие чистым ледяным огнем, что мгновенно еще больше замерз от их колючего неистового сверкания над тайгой. Рядом потрескивал костер, угасая, и он чувствовал запах холодной земли, горько-тепловатый запах дыма и не шевелясь смотрел в небо, до озноба жестко пылавшее прямо в глаза сентябрьскими полями звезд, издававшими свой звук беспредельности. Он лежал на спине, смотрел на них неотрывно и медленно плыл в мировом покое, как околдованный счастливым бессмертием, игровой тайной Вселенной, сокровенно приоткрывшей ему ворота недосягаемой вечности. Потом донеслись с неба другие, едва уловимые звуки, странные звуки земной жизни, живого страдания, несвойственного неистребимой и спокойной красоте вечности.

Где-то там, в расчищенных ветром высотах, кричали на перелете гуси — уже устойчивые заморозки и, видимо, выпавший снег на северных озерах Якутии гнали их на юг, и Никитин вдруг ощутил арктически страшный поднебесный холод, освещенную звездами темноту, ее пустынность, в которой тянулись из последних сил невидимые с земли усталые стаи гусей, ощутил, какой ничтожно маленькой, слабой каплей огонька мелькнул под ними и затерялся в непроглядном океане ночи одинокий костерок, и позавидовал их необоримому инстинкту, преодолевающему ужас мрака и бесконечности.

Затем он представил, что где-то очень далеко отсюда, за тысячи километров от тлеющей искорки костра, от этой песчинки тепла посреди неохватимой черноты пространства, была цивилизация с электрическим раем улиц, паровым отоплением уютных квартир, с чистотой удобных постелей, с кафельными ваннами, душистым мылом, бритвенными приборами, скоростными лифтами, настольной лампой, любимыми книгами, подумал, что скоро он вернется туда — и, замерзая, улыбаясь, вздрагивая в сумраке холода, почувствовал себя неограниченно и радостно свободным человеком оттого, что имеет право на возвращение, но вот лежит возле костра, на берегу затерянной под звездами Умотки, занесенный любопытством к родившим его на свет местам, на самый край земли. Что это было? Непередаваемое наслаждение минутами реальности, соединившей его с извечным миром тайны, красоты и страдания, и возможностью вернуться в чистоту, устроенность городского комфорта, ставшего необходимостью?

...Матвей Лукич поднялся и начал возиться около костра, двигать лесины в огне, терпковато понесло дымком, затрещало сильнее, взметнулись искры, полетели красноватой пылью мимо темных лап елей к черному небу, заполненному повсюду накаленным сверканием, и он услышал, как студент заворочался на лапнике, вздыхая, забормотал:

— Как хорошо-то, господи, как хорошо-то!..— И, садясь, спросил по-молодому восторженно: — Неужели вы один на Амикан-дедушку ходили? И как же? Была удача вам?

— На мишу-то? — кашляя от дыма, сплевывая, ответил Матвей Лукич и снова подправил горевшие лесины в костре. — Ходил на зверя. Две пары кальсон, однако, и корзину для белья взять надо. На мишу-то.

Никитин лежал и слушал их голоса.

— Вы шутите? Это так опасно? — сказал студент.

— Мишу нельзя просто взять. Промахнулся или ранил его, он тя достанет. Пуля жиганет его насквозь, обожжет нутро, а он — живой. Если в голову стрелил, пуля отскочит, как от железа, иль соскользнет. Черепок-то у него — бетон. А раненый свирепеет и тут нагонит, скорость у него — курьерский поезд. Под левую лопатку его брать надо. И с собаками. Без собак не ходи. Два друга не надо за одну собаку. Собака тут — вернее двух друзов.

— А если он... Так ведь за дерево спрятаться можно.

— Можно, да не нужно.—Матвей Лукич засмеялся, продолжая ворошить оживавший костер.— Раком попятится за дерево иль бросился наубег — он тя одной лапой из-за дерева загребет и скальпу снимет. Когда первый раз ты стрелил и не завалил Амика, стой и не пяться, хоть ноги ходуном, хоть обделался. Он сразу видит: страх в тебе — и бурей на тебя попрет, потому мщение в нем, как ни в каком другом звере.

— А собаки?.. Вы сказали, Матвей Лукич, они берлогу находят?

— Берлог по порошке находят. Порошка выпала, тогда видно, как пар над берлог идет. Сентябрь месяц зверь жир набирает, ягоду и орехи жрет, берлог готовит и к зиме в заду пробку делает. Для того сначала воду пьет и глину ест. Желудок чистит. А посля, как жир нагуляет, пробку из глины внутрях делает. Чтоб никакая мурашка-букашка в желудок не залезла, когда спит зверь.

— Как удивительно это!

— А собаки берлог нашли и начинают облаивать. Надо тут, как облаивать начали, стяжок готовить и прутик.

— Зачем? Какой стяжок?

— Стяжок, говорю. Ну вот, в костре лесину видишь? Такой толщины в обхват... А прутик — как раз в обхват кружки. Стяжок сготовил — и суй его в дверь берлог, где зверь. Он оттуль и появляется. Стяжок в аккуратности сувать надо. А то зверь имат его.

— Как «имат»?

— Потянет к себе.

— А потом как же?

— Он оттуль ревет, а ты прутик суй за стяжком. Дверь берлог завалил, а зверь в завал лезет. Как тебе левую лопатку открыл — сразу стрели. Навскид. Ранил — и тут смерть твоя на тебя бегет. Да вот собаки. Вылез он, а тут они за штаны его держать должны. За штаны рвать, то есь. Двух другов не надо, дай собаку одну. Без собаки на зверя не ходи.

Студент немного помолчал, обдумывая что-то, после спросил с той же наивностью молодого восторга:

— Вы вечером сказали — следы медведя и лося здесь видели?

— Верно. Был он здесь,— подтвердил степенно Матвей Лукич.— За сохатым миша ходил. Караулил. Задрать хотел. Он сохатину любит. На три недели мяса сохатого ему хватает. Поест — остаток в земле закапывает. Чтобы попортилось, протухло немного, чтобы жрать сладко было. Ушел отсель медведь, след старый, а сохатый тут есть — лежбищ много, трава смята. И на берегу тальник обкусывал, верхние веточки. Бегает тут сохатый. Гон у них, однако.

— Что значит гон? — удивился студент.

— Самку ищет. Женщину то есь... Ну, парень, чай пить будем? Не зазяб на холоду-то? — сказал Матвей Лукич, прилаживая закопченный чайник на огне.— Чай ночью — друг.

Подправленный костер разгорался под деревьями, обдавая жаром, все крепче потрескивая, пощелкивая полыхающими лесинами. Никитин не вмешивался в разговор, слушал с тайным наслаждением, а они истово пили из кружек подогретый чай, сидели подле огня, взвивалась, сыпалась оранжевая метелица искр во тьму, окружавшую их непроницаемой стеной ночи, за которой внизу, под обрывом, должна была течь тихая и прозрачная Умотка (днем видно было, как колебались, струились водоросли на ее чистом дне), а дальше от берега — тайга, марь, какие-то заросшие осокой озера, медведи, сохатые; по краю близкого берега мерцали, порхали световые отблески, а перед стеной тьмы, дышащей студеным холодком земли, лежали две лайки, смотревшие умными, спокойными желтыми глазами на огонь. Собаки, положив морды на вытянутые лапы, лежали как бы на границе света костра и сплошной темноты, охраняя этот огонь среди тайги и звезд.

И. Лукомский. 1906—1954. КЛЯТВА СТАЛИНГРАДЦЕВ. 1950.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы»

А. Никич. Род. 1918. САЛЮТ ПОБЕДЫ. 1975.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы»

И в то мгновение будто ничего не было более прекрасного, вечного, истинного, чем глухая ночь, искры в дыму, летящие к созвездиям, крик гусей в пустынности неба, лайки, смотревшие умными глазами, и бормотание студента у костра:

— Как хорошо-то, господи, как хорошо...

Когда он проснулся второй раз, сильно похолодало, костер, осторожно постреливая угольками, дымно горел; Матвей Лукич и студент спали. Совсем низкие созвездия передвинулись всем своим чуть потускнелым строем, ушли за нависшие, теперь различимые в сером воздухе вершины елей, только крупные звезды в зените были еще пронзительно ярки, сквозили белым предутренним огнем меж ветвей. За костром по мокрой траве шевелился липкий сырой туман.

Вдруг разом вскочили обе лайки, каменно застыли, глядя в чащу, и тут же по какому-то сигналу быстро вскочил Матвей Лукич в распахнутом ватнике, взял прислоненный к стволу пихты карабин, сделал шагов десять по бугру берега, поднял голову. Никитин тоже всмотрелся, не сразу увидел — по верхним ветвям наполовину закутанной туманом ели игриво сбегала коричнево-палевая белка, затем на самой макушке мелькнул ее золотистый хвост, дрогнул и исчез. Матвей Лукич неторопливо вскинул карабин, кратко прицелясь, выстрелил. «Промахнулся»,— подумал Никитин со звоном в ушах. Но что-то темное, тонкое, соскальзывая сверху, качая ветви, упало на корневища в кусты. Немного погодя Матвей Лукич подошел к костру, держа за задние ноги убитую белку, дал понюхать ее одной из лаек, слизнуть кровь. А вторая собака, по-видимому, молодая еще, которой он не дал понюхать добычу, выгнув остроносую свою морду, все-таки слизнула кровь с морды старой собаки. Лайки успокоились, вновь легли. Матвей Лукич сел на поваленную березу, вынул складной нож (вчера он резал им хлеб), положил убитую белку на колени — из пробитой головы ее капала кровь на землю,— сделал надрезы в концах лапок и легко, похоже, чулок вывернул, снял шкурку, повесил ее на березу, пушистым хвостом вниз. На коленях его лежала розоватая маленькая тушка, словно тельце умерщвленного младенца с подогнутыми коленями, с кровавой головкой — все было, как страшная казнь, и Никитина передернуло даже.

— Убили? Самка или самец? — спросил спросонок всполошенный выстрелом студент, догадываясь, что случилось.

— Мужик.

Матвей Лукич подошел к собакам и положил перед вскочившей старой лайкой это розоватое беспомощное тельце только что умерщвленного, недавно прекрасного младенца. Лайка понюхала и взяла в зубы окровавленную голову — послышался хруст. Она ела без жадности, точно выказывая при этом ленивую осторожную брезгливость, а молодая лайка покосилась на равномерный звук хруста и тотчас равнодушно отвернулась, вероятно, понимая, что добыча не ее. Вскоре хруст прекратился. Облизываясь, собака спокойно посмотрела на Матвея Лукича, мотнула хвостом, клубком свернулась близ костра. И сейчас же вскочила молодая лайка, повернулась мордой к чаще, забеленной туманцем, и вытянулась вся, навострила уши. Старая приоткрыла желтые умные глаза, но продолжала лежать клубком. Матвей Лукич опять взял карабин, сказал негромко:

— Еще, однако, бегает. Солнца ждет. Играет перед солнцем белка.

И двинулся в чащу, бесшумно обходя палые сухие лиственницы.

Через минуту раздался выстрел — и вторично вернулся он к костру, неся за задние лапы убитую белку, серовато-дымчатый, обмоченный росой, пушистый хвост волочился по траве. На этот раз он дал понюхать ее молодой лайке, а старая нехотя поднялась, зевнула и равнодушно отошла в сторону.

Матвей Лукич, сидя на поваленной березе, долго чего-то ждал, слегка поглаживая спину умерщвленного зверька грубой ладонью.

— Вздрагивает еще, живая,— сказал он точно бы виновато и лишь некоторое время спустя освежевал ее, повесил шкурку рядом с первой.

— Тоже мужик? — спросил изумленный студент, невольно подделываясь под говор Матвея Лукича.— Ну и стреляете вы!

— Не, женщина. Муж и жена, однако.

Матвей Лукич встал и, свистнув, бросил тушку белки молодой лайке. Та задвигала острым носом, тщательно обнюхала изуродованное красное тельце, но есть не стала; Матвей Лукич сказал:

— Молодая еще. Сутки перед тайгой не кормил, а не ест.

И положил белку перед старой лайкой, которая медленно, издавая разгрызающими челюстями тот же осторожный, брезгливый хруст, сожрала ее.

Вокруг было мокрое осеннее утро, и ранний туман тянулся мимо кустов на берегу Умотки, над светлеющей студеной водой, дымился тихим колебанием белых волокон в сырой чаще, безмолвной, обрызганной мутным багровым золотом по вершинам пихт, по стволу поваленной березы, где висели вывернутые шкурки двух погубленных, веселых, двух добрых зверьков, ожидавших в игре солнце...

...«Почему я так ясно помню это? Почему тогда в Риме я вспоминал ночь в тайге, а в тайге вспоминал Москву? Пытался найти истину, но ощутил только момент истины? Я ощущал тогда завораживающую ночь, костер, холод, простоту человеческой жизни под звездным небом, и все же что-то не удовлетворяло меня. Искал полноту смысла действительности в своем восторге, в восторге студента, в перелетном крике гусей, в тех красавицах белках (муж и жена), которых убил Матвей Лукич? Он убил и нарушил равновесие прекрасного мира, как если бы убил ту ночь, студеный запах воды, костер, погасил звезды, сжег тайгу — великую и хрупкую целесообразность земли. Мог ли я подумать так в годы войны?

Да, тот миг, когда он стрелял в белок, был мгновением какого-то смысла жизни. Миг, но не весь смысл жизни. А где весь? Под тем сверкающим небом в тайге? Почему же меня тянуло в Москву, к ее удобству, к электрическому свету, к чистому белью, к горячей ванне, а ведь та ночь была сущее наслаждение. На миг? На несколько часов?

Что ж, нигде нет полных ответов, и нет прочных для всех, исчерпывающих истин. Ей нравился Рим, а меня он угнетал, утомлял... В чем же был смысл встречи с Эммой? И смысл мучительных для нее и для меня разговоров? Да о чем это я? Сколько времени мы летим? Почему так болит сердце? Валидол... принять вторую таблетку валидола. Не хватало — прилететь и слечь с приступом...»

Никитин ртом сделал короткий вдох, морщась, потер грудь вокруг сердца, а оно сдавливало торопящие удары в болезненных перебоях.

Гудели моторы ровным гулом, салон спал, успокоенный звуком двигателей, сонным синеватым светом ночных плафонов, и рядом, слева, переплетя руки на груди, завалив назад голову, дремал Самсонов, и страдальчески сердитым выражением застыло мясистое его лицо. И, доставая таблетку валидола, Никитин подумал впервые, что по спящему лицу Самсонова можно, пожалуй, угадать, каким он был в детстве,— толстым мальчиком, надутым, сердитым по причине нанесенных обид бойкими одноклассниками.

«То, что произошло между нами,— бессмысленно,— возникло в голове Никитина.— Бессмысленно, хотя вряд ли наши отношения останутся прежними. Неужели я не смогу перебороть себя, простить? Странно, мы знакомы много лет... Если бы твердо знать, что важно в нашей жизни и что неважно. Важен был Рим? И та ночь и то утро в тайге? И важен был Гамбург? И встреча с Эммой? И ссора с Самсоновым? После войны в двадцать один год все было главным. И вместе с тем все было и не главным — вся жизнь впереди, суть жизни — в самой жизни, и она мчала в счастливое неизвестное «потом» с молниеносной скоростью, без остановок, без сомнений, и не нужно было задумываться, что важно и что маловажно в мелькнувших днях, месяцах и годах. «Потом» наступило: окончание университета, женитьба, удачи, известность. Почему я стал задумываться над этим в последние пять лет? Начал спрашивать себя, счастлив ли, и искать смысла в любом собственном поступке, в чужой фразе, в падающем снеге, в течении воды, в той вдруг открытой, как вечность, звездной ночи над тайгой... Что же случилось? Осознание того, что «потом» уже было? Постижение своих лет?

Зачем она спросила меня, счастлив ли я? И этот последний крик ее: «Вадим, Вадим!..» Значит, она продолжала любить меня двадцать шесть лет и в ожидании, в неестественной надежде был смысл ее жизни? А я искал суть в постоянной неудовлетворенности, задавал себе вопросы о двоякости истин (а как раньше сияли они простыми и четкими символами!..), о противоречивости самой жизни, которая не стала добрее и проще. Ведь порой, когда я видел злобные взгляды, злые лица, унижение, жестокость друг к другу, бывало у меня чувство, похожее на ненависть к людям, казалось, лишенным милосердия и любви. Но тут же стоило встретить случайный участливый взгляд, услышать чью-то певучую речь, ласковую интонацию — и быстро остывала ненависть, и охватывала жалость ко всем — к плачущему чужому ребенку, к незнакомой и некрасивой молодой женщине на улице, к каждому прохожему и особенно к жене, лишь воображением снова представлял ее и свою боль, пережитую после смерти сына. Нет, это была не любовь к жене, было бо́льшее, была жгучая родственность, соединенное понимание, выше которого ничего не могло быть. Когда же это случилось со мной? И когда возникла непрочность истины? После смерти сына?»

Это случилось через два месяца после похорон, они уехали на дачу, чтобы не видеть в квартире все то, что напоминало об Игоре, о его веселом визге и топоте крепких ножек по ковру, его щебечущем голоске и смехе, который, мерещилось, жил еще в осиротелых комнатах,— в легком шевелении занавесок, в обоях над его детским столиком, в солнечном луче на собранных и ненужных теперь игрушках. Здесь, на даче, он работал до изнеможения, до тошнотной дурноты и в поздние вечера бродил подолгу проселками по окрестным полям, длительными прогулками убивая механическую работу сознания.

Раз, возвращаясь в двенадцатом часу ночи, он, уже утомленный ходьбой, стал подыматься из низины, шел по пустынной дороге на заблестевшие впереди огни и, чувствуя одышку, против воли замедлял и замедлял шаги, как будто что-то мешало ему, как будто что-то задерживало его... И, вздрогнув, внезапно почти физически ощутил чей-то пристальный, упорный взгляд, нацеленный в спину. Он, борясь с дыханием, быстро оглянулся — позади по-ночному глухо чернела без единого огня темнота, без звука, нигде не было ни движения, ни человека.

Он убеждал себя, что это не может быть реальным, что это следствие переутомленного воображения после долгой работы, и его, как к спасению, тянуло из низины к огням, но одновременно какая-то непонятная сила толкала назад, хватала за плечи, останавливала, всасываясь ему в затылок смертельным холодом, вызывая такую безмерную тоску, такое одиночество, что готово было разорваться сердце.

Он не знал, что это было. Может быть, нечто предупреждало его о чем-то или само зло сожалело, что он выбрался из потемок к неярким впереди дачным огням? Или, может быть, кто-то невидимый звал его оттуда?

Он дошел до своей дачи и, боясь разбудить жену скрипом деревянной лестницы, поднялся наверх в кабинет, зажег настольную лампу и, потрясенный, курил, ходил из угла в угол, неотступно ощущая спиной тот живой и останавливающий взгляд неподвижной тьмы, как взгляд человеческий...

Он всю ночь не мог заснуть, при зажжённом свете ворочался на диване, вставал, снова ходил, дышал на прохладе около окна, приоткрытого в потемки сада, принимал валерьяновые капли и вновь ложился, с давящим комком в

горле вспоминая фразу одного знакомого пожилого художника, сказанную ему в дни утраты сына: когда мы умрем, мы будем ходить, двигаться друг возле друга, но мимо, все мимо живых, никогда не встречаясь, не узнавая их, не видя один другого — по иной синусоиде времени.

И, вспоминая его слова, он зажмуривался, испытывая недавнее угрожающее чувство, когда подымался из низины — неуловимый взгляд в спину,— и думал о себе, о жене, здоровых, живущих на земле уже без сына два месяца, а он там один, беспомощный, в своих белых чулочках, со своим щебечущим голоском, со сладким запахом легких льняных волосиков, ушедший в вечный холод, темноту, в иную синусоиду времени, которая проходила все мимо, мимо них, никогда не встречаясь. Он плакал в ту ночь: губы его помнили маленький ледяной треугольник рта сына в стужий февральский день, и память не выпускала слабо просачивавшийся сквозь неприкрытые ресницы голубоватый блеск его глаз, недавно ярких, веселых, детски восторженных...

«Тогда я потерял половину жизни. Не тогда ли ушла прочность истины?»

На следующий день, весь разбитый бессонницей, мучаясь головной болью и болью в сердце, он спустился на солнечную, свежую, еще наполовину затененную веранду, где жена, чуточку заспанная, с повязанными сзади волосами, молча готовила завтрак (она мало говорила после случившегося несчастья), поцеловал ее, как обычно, в край подставленных губ, сказал: «Доброе утро...»—задержал дольше обычного руку на ее плече и тотчас увидел на поднятом лице жены отсвет мелькнувшего страха: «Ты плохо спал? Опять? Что, что у тебя?» Она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке,— ответил он свое обычное, предупредительное, однако явно фальшивя, и, чтобы не лгать сейчас, уйти от встревоженных вопросов, от спрашивающего внимания ее глаз, сошел по ступеням в сад, апрельский, уже тепло меж сквозной молодой зелени осиянный солнцем, ходил бесцельно по траве, под росистой прохладой яблонь, стоял под нежно зазеленевшей листвой берез, откуда скворцы посылали в чистый утренний воздух сладкомедовые кольца звуков — фю-и-ить,— будто зыбкие круги расходились по прозрачной воде. Но эта спокойная радость весеннего утра не успокоила, прогулка не развеяла его, и потом, за завтраком, не выдержав молчаливого беспокойства жены, он все же неожиданно для себя солгал ей, что целую ночь работал, чтобы не упустить настроение, сказал и пожалел об этом.

Она догадалась:

— Вадим, ты обманываешь меня? Я заходила в кабинет. Ты не написал ни строчки. Я знаю, о чем ты думал.

— Да, — проговорил он, хмурясь. — Никак не могу... Может быть, нам уехать куда-нибудь месяца на три? Бросить все к черту и уехать...

Она наливала ему кофе и, не долив, как-то обессиленно уронила кофейник на подставку, опустилась на соломенный стул и, отворачивая лицо, заплакала:

— Боже мой, боже мой, с ним ушло все.

— Лида,— сказал он,— нам надо держаться... обоим.

— Да, да, нам надо держаться,— говорила она, прикладывая салфетку к носу.— Но как? Как? Я уже всего боюсь. Я стала всего бояться. После его смерти. Страх от какой-то неопределенности, страх одиночества. Я даже боюсь поздних телефонных звонков, когда тебя нет. Мне везде мерещится опасность. Прости, я не знаю, что со мной, но я теперь боюсь за тебя. Ты работаешь без режима, не спишь... Я умоляю тебя не курить. Или поменьше курить... Ты стал седеть, у тебя стали совсем седые виски...

— Со мной все будет в порядке,— повторил он.— В моем возрасте седеют многие.

Она вытерла салфеткой нос, долила ему кофе, слегка прижалась влажной щекой к его виску, сказала тихонько:

— Когда я была беременна Игорем, я смотрела только на красивых женщин. Хотела, чтобы он был красивым и чтобы у него были такие глаза, как у тебя. И у него были такие глаза, как у тебя. Вадим, за что же мы наказаны так? Кому же зло мы с тобой сделали? Почему судьба выбрала нас?

— Лида,— сказал он,— чем больше мы будем говорить об этом, тем тяжелее будет.

Она согласилась, закивала.

— Да, я хотела бы, чтобы ты сейчас не работал, полежал, почитал. У тебя усталый вид, Вадим. И машину сегодня поведу я.

Он чувствовал себя нездоровым, не стал возражать, когда в полдень она сама вывела машину из гаража, села за руль, а позже, едва за дачным поселком на жарковатом шелестящем шоссе развернулись весенние дали, они не вспоминали об утреннем разговоре, не обмолвились ни словом и всю дорогу ехали, объединенные этим сознательным молчанием, изредка вопросительно взглядывая друг на друга. И только километрах в пяти от Москвы, в последней деревне, куда вплотную, белея из-за липового парка, подступали прямоугольными башнями новые окраины города, она, непонятно почему, остановила машину вблизи железной ограды, через которую видны были раскрытые двери маленькой работающей здесь церкви, огоньки мерцающих в сумрачной ее глубине свечей, серые старушечьи, затянутые платками головы перед папертью, и сказала тоном виноватой решенности:

— Прости, Вадим, я зайду. Я давно хотела сюда зайти.

— Зачем? — спросил он, охолонутый мыслью о каком-то состоянии сумасшествия, подчинившего и его и ее, и тут же договорил глухо: — Хорошо, я подожду. Хорошо, иди.

— Я не верю в бога, Вадим, но я хочу зайти, прости, пожалуйста,— проговорила она и взяла сумочку с сиденья.— Так нужно, я поставлю свечку... нашему мальчику.

Он ждал ее более получаса, терпеливо сидя в нагретой солнцем машине, слушая отдаленными раскатами, подземным речитативом гулко завывающий голос священника под таинственными сводами церкви, тепло расцвеченной свечами, где должна была загореться и свечка Игорю, и духота горячего железа на солнцепеке, наплывы в этой жаре великолепия неземного голоса сдавливали сердце — оно спотыкалось, замирая в пустоте, и не хватало воздуха, нечем было дышать. Он достал валидол и, посасывая его мятный лекарственный холодок, увидел, как она вышла, опустив бледное лицо, на ходу раскрыв сумочку, начала торопливо раздавать монеты, несколько смущенно вкладывать их в ковшиком протянутые покорные старческие ладони и после, садясь к рулю, сказала ему, глянув заплаканными глазами:

— Прости, милый, я заставила тебя ждать. Я не смогла быстро...— И заговорила в грустной задумчивости:— Как это возвышенно звучит: «Церковь Христова, церковь во Христе, церковь во имя Христа» или вот: «Эта беспокойная грешная земля», «блаженной памяти Петра», жаль, что никогда не учила церковнославянский язык. Какие высокие и печальные древние слова!

Но она, видимо, говорила не совсем то, о чем думала в церкви, а он догадывался, что она, не веруя, хотела почувствовать там, подавленная испытанием, которое жестоко, нежданно и беспощадно послала им судьба. Он молчал. Она же, чуть клоня голову, долго возилась с сумочкой, застегивала и расстегивала ее на коленях, словно бы не могла сосредоточиться, не могла понять, зачем и куда им нужно было ехать в машине. И, выпустив наконец сумочку и еще не включив мотор, она опять посмотрела на него растерянным, возвращающимся из запредельного небытия взглядом,— глаза дрогнули, резко расширились, пропуская внутрь настигший страх.

— Вадим, у тебя болит? Не проходит? — И поспешно вытащенным из рукава платочком обтерла пот слабости на его висках, говоря шепотом собственной муки: — Ну зачем ты скрываешь от меня? Спазма? Ну, отдай мне свою боль, мой родной, если можно, отдай... Лучше бы у меня это было, лучше бы у меня!..

— Лида, я просто плохо спал ночь,— сказал он, до хрипоты теряя голос от знобящей нежности к ней, от этого отрешенного порыва родственного соучастия, и так благодарно, исступленно, ласково поцеловал ее руку с забыто зажатым платком, как никогда не делал даже в первые годы их знакомства.

«Она, Лида, хотела взять мою боль. А я... Я хотел взять другую боль — боль Эммы. И тогда в машине поцеловал ее руку. Что значит взять боль другого? Это сумасшествие, это трудно понять разумом. Но, может быть, в этом и есть самое человеческое, самое главное, что живет где-то в нас? Вина перед чужой болью? Я впервые почувствовал это очень давно... Была весна в дачном немецком городке, и было ясное утро, и был конец войны во всем, когда погиб Княжко.

Кто же сказал, что человек может быть счастлив только тогда, когда станет бессмертен? Но какой здесь смысл? Познать великую тайну жизни и смерти — как познать? Значит, найти невозможное, крайнее... исчерпать до дна все страдания, сомнения, поиски, борьбу и лишить людей самого смысла жизни, а значит, и временной радости преодоления. Да, да, в этом непреложная истина. Отними этот импульс — и люди превратятся в муравьев и проклянут свое бессмертие. Так, может быть, смерть — высшее познание последней истины? Какая знакомая мысль... Чья мысль? Не все ли равно... Нет, человек полностью счастлив тогда, когда овладевает непостижимой тайной — перестает бояться смерти. И тогда он не думает о прожитой жизни и не задумывается, что такое счастье. А дальше, дальше? Как только человек начинает думать о том, что он счастлив, сразу же возникает мысль об опасности потерять его — и он уже несчастлив. Почему я думаю об этом? Я был счастлив? Когда? Какие-то секунды, минуты, часы, которые я мог вспоминать как лучшие мгновения своей жизни. Детство? Молодость? Но война, война... Неужели подлинное и то, что навсегда утрачено? Странно: теряя, человек обретает ощущение неповторимости прожитого, и соединение утраченного и настоящего рождает особую радость. Может быть, попытка возвращения к прошлому — защитная реакция? Неужели прошлое — это тоска по тому, чего нельзя повторить и вернуть, как первую любовь, как когда-то залитый солнцем паром среди полуденной райски теплой реки, запах дегтя, лошадей, пригретого зноем сена в телегах, стоявших на пароме, этого необыкновенного кусочка детской благодати, и ощущение того берега, зеленого, обетованного, пахнущего медовым летним счастьем? Да, был тот берег... Он не раз снился мне, он повторялся лишь во сне с такой нереальной счастливой грустью, что просыпался утром со стиснутым горлом, с желанием задержать в сознании золотую явь детства, испытанную уже где-то, потерянную. И я, вспоминая сны, хотел ощутить, поймать одно: именно здесь есть святой, сокровенный великий закон человеческой жизни, закон надежды, веры в то, что ничто не исчезает бесследно. Закон, обманывающий физическую смерть каждого, надежда на то, что все вечно... Какое наслаждение думать и понимать многое, что стал чувствовать после сорока лет... какое наслаждение в самой этой мысли... Может быть, мысль идет из прекрасного мира снов? Но почему так болит сердце? Где мы? В самолете? Не помогает валидол. Я не рассчитал, надо было нитроглицерин... Какое наслаждение в самой мысли. И какой был вскрик: «Вадим, Вадим!» Или это мы с Лидой в машине... отъезжаем от того парка, от той церковной ограды, и она платочком вытирает мне лоб: «Отдай мне свою боль...» — и от руки ее и платочка пахнет чем-то нежным, родственным... как летнее утреннее сено... Где я? Где я?..»

С трудом очнувшись, он различил однотонный пониженный гул моторов, увидел в пригашенном свете салона спинку откинутого впереди кресла, слева — спящего, скрестившего руки на животе Самсонова и, потирая сердце, наклонился к иллюминатору. Где-то посреди высот, уйдя назад, светила луна, и в голубовато-фиолетовой мути над невидимой землей висело, неслось хищно искривленное гигантское крыло самолета, крыло современного птеродактиля, фантастической летучей мыши, пожирающей пространство. Самолет сигналил, на плоскости вспыхивал и гас розовый отблеск, и по стеклу иллюминатора, как импульсы по экрану осциллографа, стремительно скользили линии, оставляя тонкий горизонтальный след, наверное, это были мельчайшие капли конденсированного холода.

«Смысл существования человечества, будущее человечества, знаете в чем? — почему-то вспомнил Никитин спор со знакомым молодым физиком год назад. — Смысл — в ускорении движения, в завоевании всего космоса, а потом—Вселенной. Но в теории относительности есть одна загадка: если скорость превысит скорость света, то куда приведет нас беспредельно увеличенное движение—в будущее или прошлое? Представьте, что это забросит нас не на Марс, а вернет в эпоху Киевской Руси?»

«Зачем человеку Вселенная и зачем Киевская Русь? Для чего? У него свой берег, счастливый, разделенный и несчастный...»

И, закрывая глаза, он представил, как, должно быть, холодно сейчас за металлическим корпусом самолета, оторванного от земли в безмерную пустыню одиночества, в высоты непробиваемой зловещей тьмы, представил будто навсегда потерянную там, внизу, пылинку планеты, оставленной, оскорбленной людьми, и еще почувствовал, что не хочет расставаться с прошлым, земным, что оно сейчас живет в нем сильнее, материальнее, прочнее, чем настоящее,— и радостные осколочки, подобно сновидениям, прошли перед ним с пронзительной, как боль, ясностью настоящего.

И сначала он увидел ночь, темные сырые поля, свежим холодком несло от раскрытых дверей сеновала, и там уже чуть наливался синью, холодел воздух, с последней силой горели над лесом низкие созвездия, и холодела трава к рассвету, потом, как когда-то в детстве, возник перелесок, веселый, насквозь солнечный, ветер тянул по вершинам осин, лепечущих, игривых, сверкающих листвой, и где-то далеко позади этих летних полей и перелесков, за которыми изредка погромыхивало (эту неохватимую даль он особенно мучительно ощущал), был город, утонувший во вьюжных сумерках, и снежный дым окутывал трамваи и фонари в глубине переулков, и где-то орудия двигались под весенним солнцем посреди мокрых полей, и лейтенант Княжко, зеленоглазый, легкий, стройный, как лозинка, шел вместе с ним, Никитиным, сбоку орудий, переставляя узкие, заляпанные грязью сапоги, и была благостно освещенная закатом стена дома, увитая плющом, и золотой коготок мартовского месяца блестел, задевал за черепичные крыши немецкого фольварка, и вставала тихая заря в аллее Трептов-парка, и порхала бабочка по комнате, наполненной светоносным утром и прохладой сада, и холодные губы Эммы, и синяя радостная прозрачность глаз, устремленная в белизну потолка, и опять теплая вода полуденной реки, приятный запах лошадей, дегтя, сладкого сена на телегах, и тот берег, зеленый таинственный, прекрасный, обещавший ему жизнь впереди...

Боль в сердце была такой режущей, такой невыносимой, обливала его таким колючим ознобом, что он застонал, сделал толчок рукой, хватаясь за подлокотник, открыл глаза, увидел черное звездное небо вверху и черное звездное небо внизу, к которому была вытянута из плоскости нога шасси, самолет попрежнему упорно сигналил красными вспышками нижнему небу, и он успел подумать:

«Неужели здесь? Неужели?»

И тут же он смутно услышал, как, проснувшись от сбавленного гула моторов, от его стона, вскинулся в своем кресле Самсонов, еще невнятно понимая, что́ случилось, затормошил его с испугом, цепко и резко дернув за плечо, вскрикивая охрипшим после сна голосом:

— Вадим, Вадим! Ты что?..

«Кто это звал меня так недавно? — отдаленно мелькнуло в сознании Никитина. — Жена? Эмма? Где? Когда? Это все прошлое? Почему оно жило во мне? Я все время возвращался туда? А как же Лида? Как же она?..»

И уже без боли, прощаясь с самим собой, он медленно плыл на пропитанном запахом сена пароме в теплой полуденной воде, плыл, приближался и никак не мог приблизиться к тому берегу, зеленому, обетованному, солнечному, который обещал ему всю жизнь впереди.

1970—1974.

Валерий Борзов: 100 метров за 10 секунд!

ГЛАВА ТРИНАДЦ

Болгарская спортсменка Росица Пехливанова победила в беге на 3 000 метров.

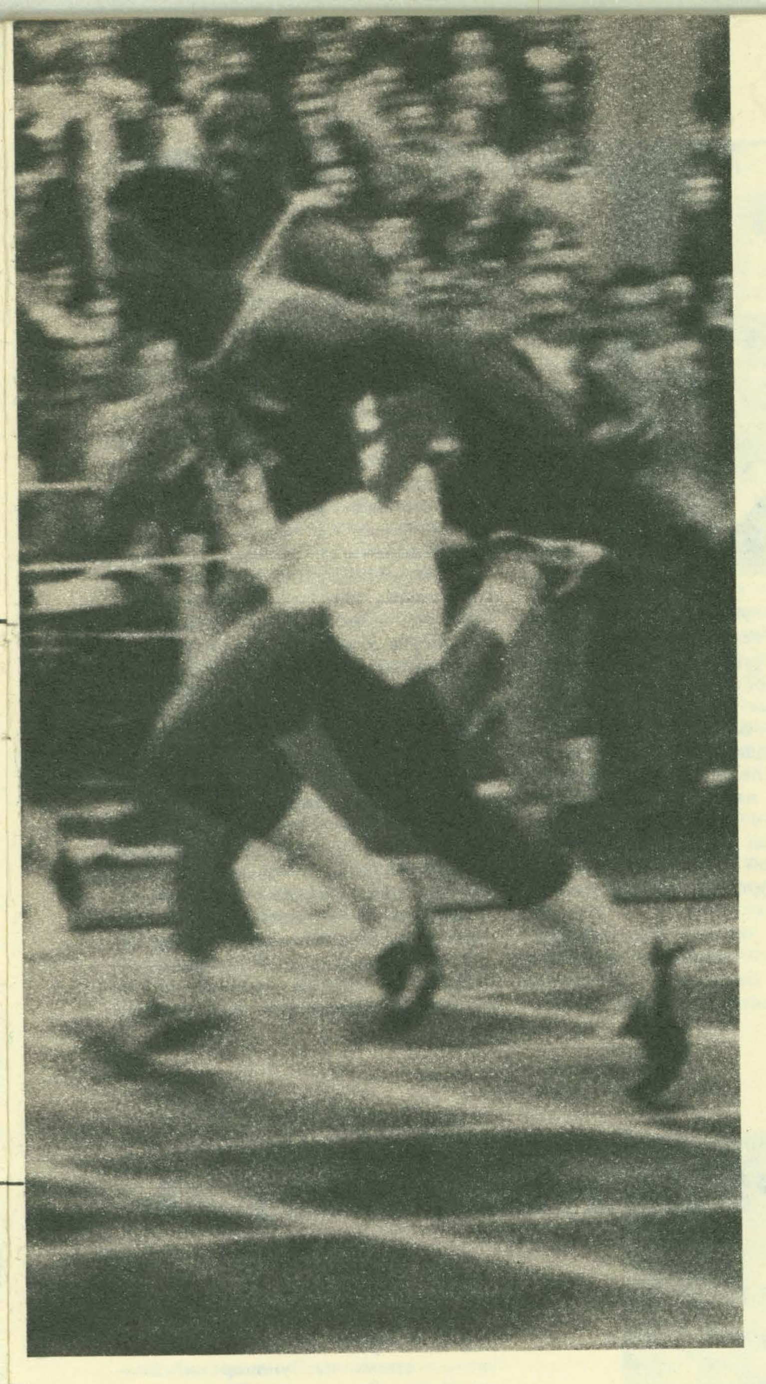

Джумбер Пхакадзе метнул молот на 74 метра 76 сантиметров.

В беге на 3 000 метров с препятствиями победу одержал Майк Смит.

Два дискобола — ветеран американской сборной Джей Сильвестр и Владимир Ляхов.

В. ВИКТОРОВ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

Цифра «13» очень не популярна в США: американцы убеждены, что она приносит несчастье. Тем с большей осмотрительностью руководителям сборной команды надо было бы отнестись к тринадцатому по счету легкоатлетическому матчу сборных СССР — США. Однако неизвестно по каким причинам мужская команда США приехала в Киев, недосчитывая в своем составе ряда сильных атлетов, и это не могло не сказаться на общем итоге борьбы. Но вот что интересно отметить: любая встреча с легкоатлетами США на высоком уровне не может не быть интересной, не может не принести новых выдающихся результатов, не поставить перед тренерами новых важных проблем. А киевский матч поставил перед его победителями не только новые, но и старые проблемы, придав им тревожную остроту.

Но, прежде чем коснуться их, надо, конечно, воздать должное нашим легкоатлетам, добившимся убедительной победы и в мужской и в женской части матча (интересно отметить, что, победив десять раз в общекомандном зачете, советским легкоатлетам впервые удалось добиться победы над американцами — мужчинами только в Киеве десять лет назад). В результате двухдневной борьбы счет матча 225:138. За этими цифрами стоит ряд выдающихся результатов, показанных и мужчинами и женщинами, и среди них выделяются результаты двух олимпийских чемпионов, двух чемпионов Европы — спринтера Валерия Борзова и прыгуна Виктора Санеева. И тот и другой добились самых убедительных побед над своими соперниками.

матч, пытались утешить себя победой под занавес в эстафете 4х400 метров. После двух этапов они уверенно лидировали, но при приеме эстафеты на третьем этапе их бегун поскользнулся и растянулся во весь рост. Так на наших глазах верная победа обернулась для американцев еще одним поражением.

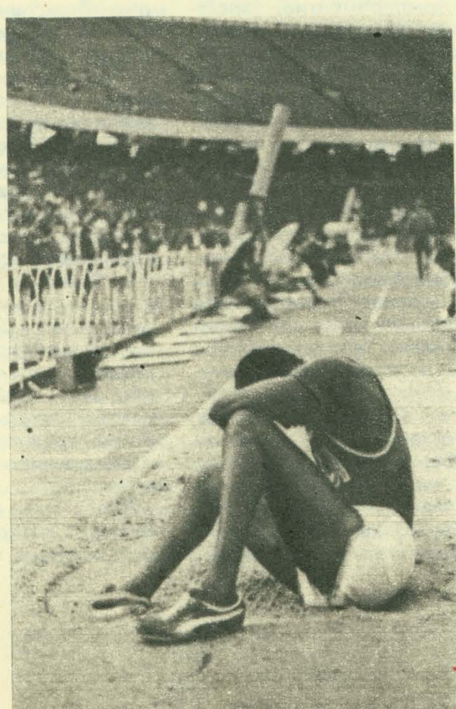
Но разве нас могут радовать подобные победы? И можем ли мы не замечать одной весьма существенной детали матча? Выиграв мужскую часть матча за счет прыжков, метаний, стометрового и стайерского бега, мы уступили американцам победу на дистанциях 200, 400, 800, 1 500 метров и в беге на 400 и 3 000 метров с барьерами.

Поражения в шести беговых номерах должны дать пищу для размышлений нашим тренерам. Тем более что эта пища не новая...

Нашим спортсменкам пришлось, пожалуй, труднее, чем мужчинам, ведь они соревновались не только с американками, но и с болгарками, впервые принявшими участие в «матче гигантов». И вот в беге на 800 метров не наша спортсмен-

АТАЯ - ПОБЕДНАЯ

Только второй! Элл Ланир уступил первенство Валерию Подлужному.

Валерий Борзов до своего последнего старта в течение шести лет четыре раза пробегал 100 метров за 10 секунд, и мы давно ждем, что количество перейдет в качество, что наш замечательный спринтер наконец вырвется из пределов 10 секунд. И вот в Киеве он в пятый раз пробежал сто метров за те же 10 секунд (мировой рекорд — 9,9 секунды).

Не очень удачно взяв старт и проигрывая на первой половине дистанции своему товарищу Александру Корнелюку и американцу Чарльзу Уэллсу, Борзов на мокрой дорожке сумел развить такую скорость, что обогнал всех и финишировал с результатом экстра-класса.

«Ах, если бы не дождь» — такова была наша первая мысль, но мы тут же вспомнили, что Борзов любит бегать именно в дождь и именно на мокрой дорожке шесть лет тому назад в Киеве впервые уложился в 10 секунд.

А на второй день матча мы смогли увидеть, как трудно выступать бегунам на мокрой дорожке. Американские спортсмены, уже безнадежно проигрывая

ка, а чемпионка Европы болгарка Л. Томова оказалась главной соперницей чемпионки мексиканской Олимпиады американки М. Мэннинг, а на дистанции 3 000 метров другая болгарка, Р. Пехливанова, никому не уступила первенства.

Семнадцать лет прошло с того времени, когда в Москве состоялся первый матч легкоатлетов двух стран, и с тех пор поочередно в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки проводятся матчи, ставшие одной из самых примечательных традиций мировой легкой атлетики, и каждая новая встреча спортсменов двух стран становится яркой главой в истории их дружеских отношений. Сколько выдающихся результатов показано за эти годы, как много нового дали они и спортсменам и тренерам, как помогли в достижении новых спортивных высот! И вот еще одна глава, тринадцатая по счету, счастливая для нас и несчастливая для наших гостей. Но ведь на этом творческое содружество легкоатлетов СССР и США не кончается. Пусть же оно крепнет с каждой новой встречей!

В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ

К открытию IX Московского Международного кинофестиваля готовятся все — гости, хозяева, зрители. Одни нетерпеливо считают дни: скорей бы! Другим кажется, что время идет слишком быстро: сколько еще надо сделать, сколько успеть!

Но, кажется, ничто не забыто, все подготовлено в срок. Москва, как хорошая хозяйка, готова к приему гостей. А их будет очень много, ведь московский кинофорум один из самых представительных. Гости прибудут почти из ста стран; 350 иностранных журналистов аккредитовано в пресс-центре кинофестиваля.

Лучшие кинотеатры столицы скоро встретят нетерпеливых зрителей. Заново отремонтирован «Ударник», произведен косметический ремонт «Октября». Зрительный зал «России» радиофицирован — здесь будет происходить перевод фильмов сразу на несколько языков. Словом, Москва готова, теперь дело за гостями. Что привезут они нам, с какими впечатлениями уедут, чем запомнится Московский кинофестиваль 1975 года?..

Л. ЛУКЬЯНОВА

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер поэт Сергей Васильев. Умер неожиданно.

Только вчера мы пожимали ему руку, сидели рядом, вместе выступали на поэтическом вечере, обсуждали творчество молодых писателей, слушали его суждения о поэзии, горячо аплодировали ему, подлинному поэту. В его поэмах живут оригинальные характеры, в лирике выражена душа нашего современника, в песнях слышны российский размах и удаль, в стихотворных фельетонах стрелами сатиры изничтожаются носители зла.

Сергей Васильев — умный, тонкий переводчик.

Всю свою творческую жизнь он был рядом с молодыми поэтами, помогал им, и многие из них обязаны ему своим вступлением в нашу литературу.

Он всегда и во всем присягал главной цели поэта-коммуниста: «Служу Советскому Союзу».

Таким он был на фронтах Отечественной войны и в мирные годы.

Одной из своих последних поэтических книг Сергей Васильев дал название «Отбор». Высокое чувство отбора было главным в его жизни, в работе, в бескорыстной дружбе.

Его книги обрели всенародное признание, его песни поются по всей нашей стране, а эпиграммы и непревзойденные литературные пародии передаются из уст в уста.

Он был душой поэтического круга своих друзей, тех, кто в работе исповедует три главных принципа — действенное стремление к идейности, народности, высокому художественному мастерству в творчестве.

Перестало биться мужественное сердце, оборвалось дыхание. Но с нами книги, а в них — живой, ярый, зоркий, бескомпромиссный и в то же время нежный, любящий — Сергей Васильев.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АНАНЬЕВА

Анатолий Ананьев принадлежит к тому поколению писателей, чья юность опалена войной. После пяти месяцев учебы в артиллерийском училище он в числе отличников был представлен к званию младший лейтенант и направлен на передовую, ждавшую пополнения перед одной из решающих битв Великой Отечественной войны на Курской дуге, куда молодой артиллерист прибыл за два дня до начала сражений.

Испытание огнем было выдержано. Затем командир противотанковой батареи Анатолий Ананьев вместе с частями Советской Армии прошел военными дорогами по Белоруссии, Венгрии и Австрии. Хронологически фронтовая жизнь оказалась не такой уж продолжительной в биографии художника. Но проверка боем, одно из самых значительных потрясений юной души, неизгладима в памяти человека. Вот почему она стала своеобразным критерием в оценке сути каждого героя писателя, с которым мы встречаемся в очередном его произведении. Причем не только посвященном сугубо фронтовому прошлому, но и современности.

Столь пристрастное отношение писателя к своим героям проявилось уже в первых его очерках, с которыми А. Ананьев выступил как журналист в 50-х годах. Тогда появляется цикл его зарисовок из сельской жизни — «Жерновцы», напечатанный на страницах областной газеты в Алма-Ате.

Поездки по республике в качестве корреспондента, встречи с судьбами разных людей, с бывшими фронтовиками обостренно выявляли в памяти пережитое. Но пути реализации задуманного и вынашиваемого художником подчас далеко не прямолинейны. И трудно поддается логическому

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Вл. ПИМЕНОВ

Борис Сергеевич Ромашов — это яркая страница истории советской драматургии, история ее рождения, ее зрелости, ее замечательных побед.

Борис Ромашов сделал свой внушительный вклад в создание образов героев нашего времени, дал возможность рождения великолепных актерских работ и новаторских режиссерских решений. Можно смело сказать, что Борис Ромашов — это еще и история советской культуры. Он всегда был не только писателем, но и активным общественным деятелем, темпераментно, хлестко, с едким сарказмом и вместе с тем с духовным волнением отстаивавшим завоевания реалистического искусства, боровшимся с любыми попытками разобщить советскую драматургию и советскую действительность.

Одновременно Борис Сергеевич был воспитателем новых кадров литературной молодежи в стенах Литературного института имени Горького, где долгие годы являлся профессором кафедры драматургии. Он передавал молодежи не только свое мастерство, но и высокую культуру, знания.

Молодого Бориса Ромашова, служившего актером в пятигорском театре, заметил еще Анатолий Васильевич Луначарский. Ромашов написал тогда первую пьесу — «Банкет капитала». В этой ранней агитке, в ее туманных символических образах Луначарский сумел разглядеть стремление автора говорить о важнейших проблемах времени. Луначарский благословил Ромашова на нелегкую судьбу драматурга. Так актер Ромашов стал писателем Ромашовым. Напутствовали и поддержали его «Правда» и «Известия», газеты, в которых затем многие годы сотрудничал Ромашов.

Вскоре имя Бориса Ромашова прогремело на театральном небосклоне вместе с пьесой «Воздушный пирог», сатирической комедией, где автор зло и весело высмеял нэповских дельцов, аферистов типа Семена Рака, чье имя с тех пор является нарицательным.

Поставленная в середине 20-х годов Театром Революции комедия «Воздушный пирог» стала заметной вехой всего советского театра, вплотную подходившего в ту пору к живым проблемам дня, к острейшим конфликтам, рожденным революцией.

Шел 1929 год. Все активнее, все более страстно и темпераментно звучала в советской драматургии тема мирного труда советского человека, возводящего здание социалистической действительности. Ромашов был одним из первых, кто пьесой «Огненный мост» открыл в нашей драматургии тему героического труда, положив начало галерее положительных образов нашей литературы. В центре пьесы оказался образ бойца гражданской войны Хомутова, ставшего красным директором.

Пьеса была поставлена в Малом театре, с которым драматурга связала крепкая и постоянная друж-

ПРАВДА ПОДВИГА

обоснованию, скажем, такой факт: почему писатель вместо задуманного произведения о Великой Отечественной войне берется за рассказы о далеком для себя времени — о событиях гражданской войны в родном Семиречье. Но именно с них и началась творческая биография Анатолия Ананьева. Так появились «Верненские рассказы».

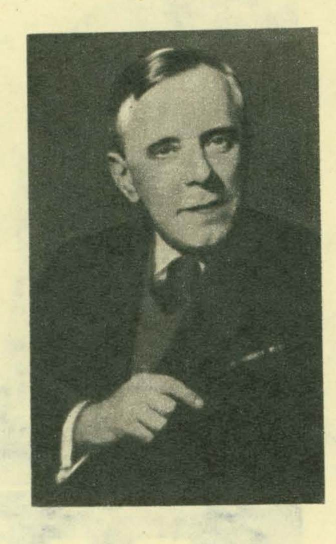
И тем не менее уже здесь заметна характерная для последующих книг Ананьева особенность выявления человеческой сути героя — проверка боем. Проходят ее и герои романа «Танки идут ромбом», принесшего писателю всесоюзную известность,— в смертельном поединке с врагом раскрывается здесь перед нами красота душевного мира лейтенанта Володина.

Да, испытание огнем — неумолимый и неизбежный закон войны. В подвиг лейтенанта Федосова играют мальчишки под деревней Гольцы, где орудия Федосова выдержали страшный удар фашистских танков. Но герой «Верст любви» достоин звания Человека с большой буквы и в наши дни. В том-то и дело, что и в мирные будни герои Ананьева борются за право называться настоящими людьми, отстаивают истинную человечность в схватке с тем, что так или иначе искажает правду нашей жизни.

Следователь-лейтенант Ковалев и молодой учитель Николай Богатенков в романе «Межа», агроном Пономарев в романе «Версты любви», другие герои Ананьева — их победы и их просчеты в борьбе за новую жизнь не что иное, как отражение борьбы писателя за нового человека, за все подлинное и высокое, во имя чего трудится не только он, но и вся литература. В служении столь важной цели — смысл жизни, равный долгу. И писатель-коммунист остается верным этому долгу, ибо в нем соединены не только общие для каждого чувства гражданственности, патриотизма, но и свет боевой юности, правды подвига народного.

Вот откуда уверенность, что и в последующих произведениях зрелого мастера, каким встречает свой юбилей Анатолий Ананьев, мы вновь увидим героев, утверждающих себя в бою за торжество коммунистических идеалов.

Бор. ЛЕОНОВ

ба. Отныне многие пьесы Ромашова ставились на этой прославленной сцене. В 1934 году был показан еще один программный спектакль Б. Ромашова — «Бойцы». Здесь Ромашов обратился к дням и людям мирной Красной Армии, столкнув в остром конфликте передовую мысль с косным пониманием военной науки. Командиры Ленчицкий и Гулин олицетворяли два типа понимания военной науки. Гулин подходит к делу творчески, думает о том, как именно молодое Советское государство должно укреплять свои рубежи; другой, Ленчицкий, весь еще в плену старых схем и буржуазных представлений о кодексе офицерской чести. Стоит заметить, что и проблематика пьесы, ее конфликт и характеры героев во многом предопределили пьесы времен Великой Отечественной войны, как, например, «Фронт» Корнейчука. Сейчас, после того, как мы отпраздновали историческое 30-летие Победы советского народа над фашизмом, особенно ярко видно, каким истинно гражданским темпераментом обладал драматург Ромашов, как чувствовал он не только день сегодняшний, но и день завтрашний.

Борис Ромашов создал запоминающиеся характеры рабочих людей в пьесах «Знатная фамилия», «Со всяким может случиться»...

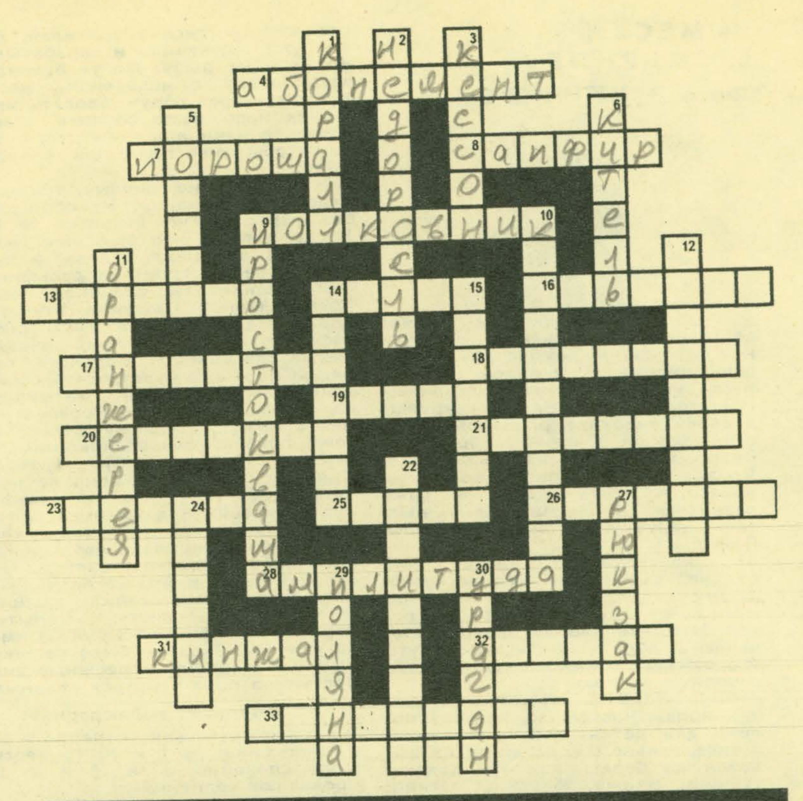
В Малом театре было поставлено и одно из последних произведений Б. Ромашова —«Великая сила» (1947 год). В этом спектакле, как и всегда у Ромашова, со всей комедийной остротой зазвучала важная тема времени — борьба с низкопоклонством перед так называемой западной цивилизацией.

С творчеством Ромашова связаны такие известные актерские имена — это Яблочкина, Степан Кузнецов, Гоголева, Дмитрий Орлов и многие другие великолепные артисты русской сцены. На пьесах Ромашова крепло дарование таких советских режиссеров, как Петров, Гриппич, Прозоровский...

Б. С. Ромашов ненавидел богему, суетность, «делание» карьеры, ненавидел людей, понимающих искусство как демонстрацию самих себя.

Борис Сергеевич был удивительным собеседником. Он умел зло и вместе с тем весело шутить. После беседы с ним вы обязательно заглядывали себе в душу, словно старались найти там нечто им высмеянное.

В эти дни Борису Сергеевичу Ромашову было бы 80 лет... Думая о нем, мы думаем о советской театральной классике, о тех, кто стоял у истоков советской литературы, советского театра.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Документ, дающий право пользоваться местом в театре, на стадионе. 7. Слой только что выпавшего снега. 8. Драгоценный камень. 9. Воинское звание. 13. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 14. Голландский живописец-портретист XVI—XVII веков. 15. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 17. Электрическая машина с ручным приводом для получения переменного тока. 18. Бальный танец. 19. Река в Бразилии. 20. Русский полярный исследователь. 21. Государство на Скандинавском полуострове. 23. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 25. Первая ступень гаммы. 26. Спутник планеты Нептун. 28. Размах колебания маятника. 31. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 32. Потухший вулкан в Армении. 33. Город в Азербайджане.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Морское неподвижное животное. 2. Комедия Д. И. Фонвизина. 3. Приспособление для работ под водой. 5. Столярный инструмент. 6. Форменная куртка. 9. Молочный продукт. 10. Роман Майна Рида. 11. Помещение для разведения растений. 12. Химический элемент. 14. Птица отряда куликов. 15. Промежуток времени. 22. Русский естествоиспытатель. 24. Позднейшая эпоха каменного века. 27. Заплечный вещевой мешок. 29. Небольшая равнина среди леса. 30. Ветер разрушительной силы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Барнаул. 8. «Апостол». 9. Предлог. 10. Просо. 12. Каток. 13. Марьяна. 15. Асафьев. 17. Атмосфера. 19. Пантомима. 22. Шептала. 24. Пантера. 25. Трент. 26. Навои. 27. Брезент. 29. Бурунди. 30. Овсянка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Палеозавр. 2. Карп. 3. Алгебра. 4. Паллада. 5. Гонг. 6. Вольтметр. 11. Ольха. 12. Кофта. 14. Номинал. 16. Снегина. 18. Кременчуг. 19. Петит. 20. Алтын. 21. «Черевички». 23. Арбенин. 24. Поленов. 27. «Баня». 28. Тиса.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Знакомьтесь: молодые рабочие Второго часового завода столицы.

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Прежде всего — доверие! (См. в номере репортаж «Василиса Прекрасная и другие...»)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

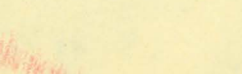
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/VI—75 г. А 04222. Подп. к печ. 8/VII—75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1498. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 782.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ия МЕСХИ,
Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

В Батуми начал действовать первый в нашей стране научно-демонстрационный дельфинарий. Появилась возможность увидеть вблизи загадочных обитателей моря. Вот они кружат в своей квартире размером в две с половиной тысячи кубометров. Квартира, можно сказать, «люкс». Правда, после Черного моря тесновато, но жить можно. И даже резвиться. И оглушительно пыхтеть через свое дыхало (Пуфф! Пуфф!..), которое в отличие от человеческого носа имеет не выпуклую, а вогнутую форму с одной мощной ноздрей. Несколько минут под водой, потом стремительно на поверхность, чтобы в доли секунды выдохнуть и вдохнуть свежий воздух. И снова в родную стихию.

Поразительное существо: горячая кровь, настоящее, жирное молоко для детенышей, а жизнь — в воде, только в воде. Никаких вылазок на берег, как это делают тюлени, моржи, морские котики. Словом, ни без воды, ни без воздуха. Все время на грани. Наблюдать эту странную жизнь, изучать ее, размышлять по-научному да и просто по-житейски — одно удовольствие.

Дельфинарий возник так: сначала в Батуми, при Грузинском отделении Всесоюзного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии, открылся морской аквариум. Повалила публика рассматривать рыб, ежей, трепангов, черепах и прочую морскую живность. Книга посетителей наполнилась просьбами: «Хотим увидеть дельфинов!» Но прежде чем дельфины появились в Батуми, директору Грузинского отделения Леониду Элизбаровичу Цуладзе и приглашенному в институт научному руководителю работ, доктору биологических наук профессору А. Е. Шевалеву пришлось приложить немало усилий.

В Черном море три вида дельфинов: прибрежные афалины, белобочки, обитающие в открытом море, и маленькие азовки — морские свинки. В Батумском дельфинарии — афалины. Их отловили колхозные сейнеры у берегов Новороссийска и отвезли в небольшую бухточку со специальными вольерами. Там дельфины жили больше месяца, приходя в себя после такого насилия. А тут новые испытания — транспортировка в Батуми. Отобранные экземпляры снова перебросили на судно и устроили в специальных ваннах. 25 часов пути! В Батуми кранами перенесли на автомашины и бережно провезли через весь город. А дельфинарий уже наполнен водой. Дельфинов пустили в межшлюзовое пространство, на малую воду, а затем в главный бассейн.

Сначала животных было пятеро. Двое погибли. Но явились два новых — Василиса Прекрасная с Пицунды и Мамаша. Сегодня вся эта пятерка работает перед трибунами, на которых может расположиться тысяча зрителей. Да, они уже труженики и зарабатывают себе на рыбу. Могут буксировать лодку с человеком, могут прыгать через обруч, бросать мяч. Но их надо было обучить всему этому, а начинали с малого, с того, чтобы они привыкли к человеку.

И были такие первые, трудные недели привыкания. Не обошлось без жертв. Погиб дельфин № 11. Погиб потому, что был уже травмирован во время отлова, а тут, как на беду, строители дельфинария заканчивали внешнюю облицовку главного бассейна. Стук зубила, отдающийся в гигантском сосуде с водой, нарушил локационные способности морского зверя, он перестал чувствовать своим локатором предметы, натыкался на стены. Случилось кровоизлияние в мозг. Остальные дельфины тоже повели себя беспокойно, перестали брать рыбу. Тревога! Пришлось временно, пока не кончатся работы, перевести дельфинов в бассейн для тюленей, а тюленей переселить к черепахам. Между тем в журнале наблюдений появились тревожные записи: «На всплеск рыбы никто не подходит». «Из правого бассейна слышен очень громкий свист». «Попытка кормить дельфинов из рук не имела успеха». Сколько было переживаний! Но прошли тревожные дни. Наступила пора заняться главным.

Из «Журнала наблюдений»:

«При погружении тренеров в воду дельфины № 1 и № 15 реагируют спокойно, а № 10 и № 19 проявляют волнение».

«Тренер опустился в воду левого бассейна. Потом начал кормить с мостика. Дельфин № 19 первый раз взял рыбу из рук. 16 штук. 14 из них съел, а с двумя играл».

«В правый бассейн тренер бросил резиновый обруч. № 15 поднял его, надел на рострум (пасть) и плавал с ним. Выпускал и снова ловил. Носил на грудном и хвостовом плавнике. Через некоторое время к игре подключился № 1. Играли оба, передавая обруч друг другу».

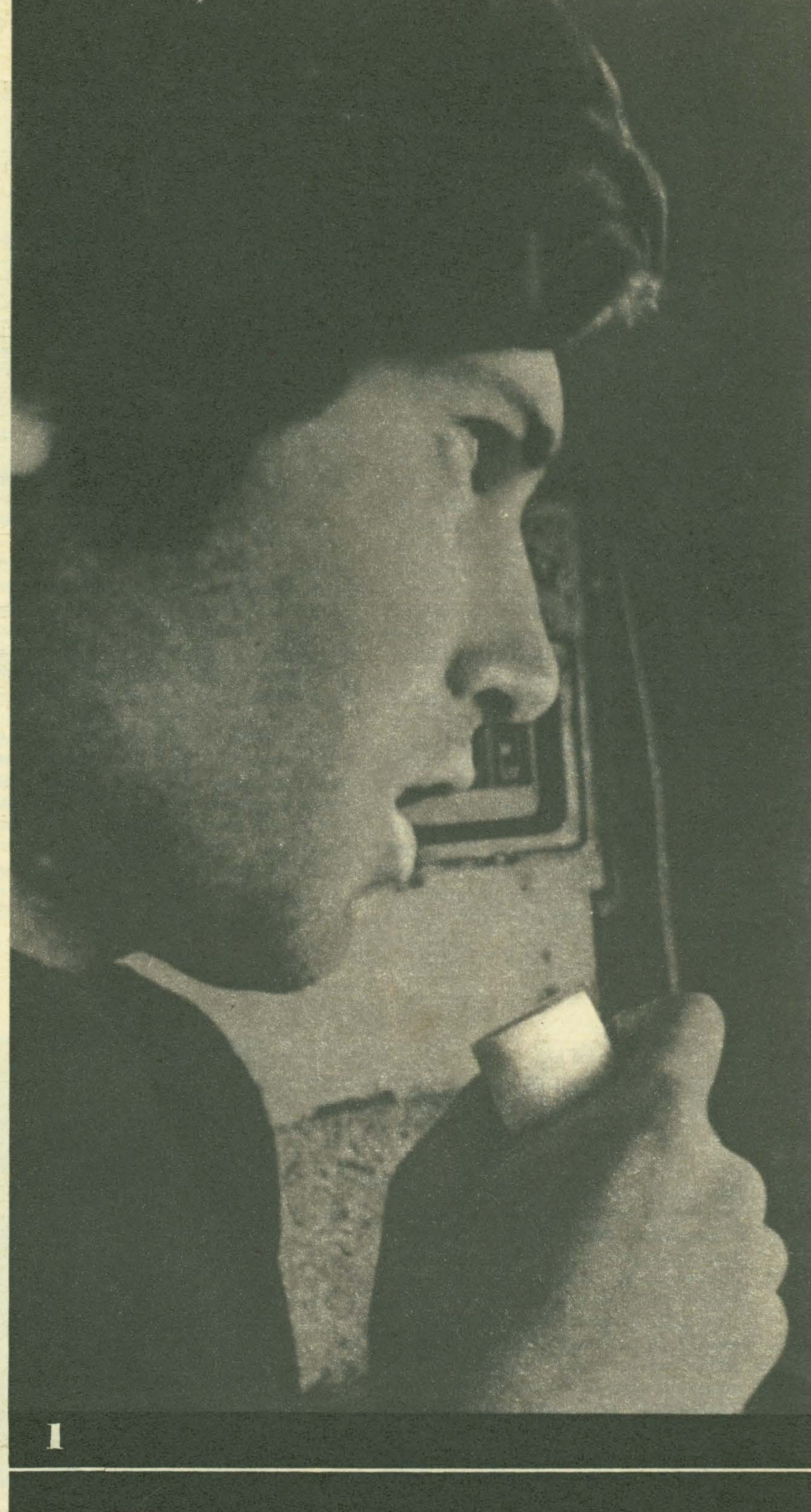
Так год тому назад начиналась их жизнь в дельфинарии. И тогда же морские новоселы приступили к работе. С утра дельфинами занимались научные сотрудники института, потом на трибунах собиралась публика, и тренеры — братья Роин и Гоги Иосава — демонстрировали возможности питомцев. Сотрудники института взялись доказать, что дельфины способны к рассудочной деятельности, что они могут стать помощниками человека в освоении Мирового океана. Многие опыты, проведенные под руководством А. Е. Шевалева, дали очень интересные, новые для науки результаты. Сейчас целью опытов стало изучение памяти дельфинов, их психологических особенностей — эти работы возглавил молодой ученый Я. И. Близнюк.

...У края бассейна бесшумно возникает голова дельфина. В упор уставился большой каштановый глаз.

— Это, конечно, пятнадцатый. Страшно любопытный! — объясняет Гоги.

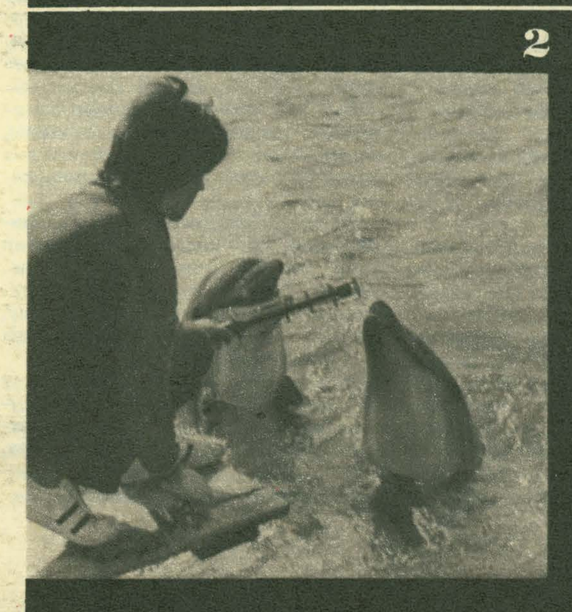
— Так кто же они у вас: артисты?

— И да и нет. Главное то, что они объект наблюдений научных сотрудников института. Дельфинарий так и называется: научно-демонстрационный. И очень важно, что сотни людей получили возможность увидеть дельфинов, полюбить, поверить в их доброе отношение к людям...

1

«ВАСИЛИСА

2

1 За утренней зарядкой наблюдает старший лаборант Валерий Карабашян.

2 Прилежные ученики.

3 Исследуется рассудочная деятельность дельфинов. Опыт проводит профессор А. Е. Шевалев.

4 Дельфин-спасатель.

5 Есть ли у них память!

6 Добровольные буксировщики.

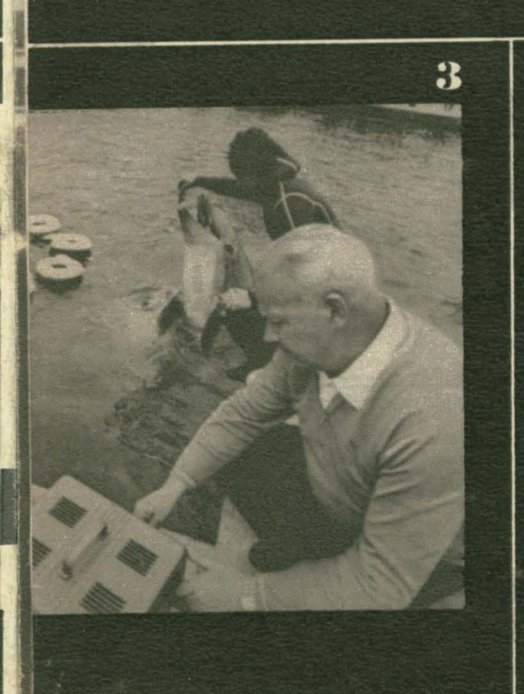
7 Профилактическая прививка.

5

6

ПРЕКРАСНАЯ» И ДРУГИЕ

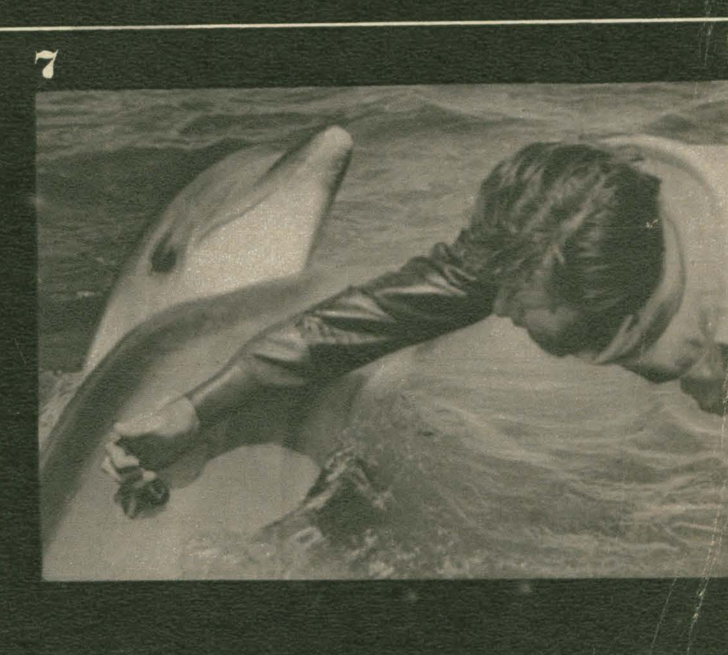
3

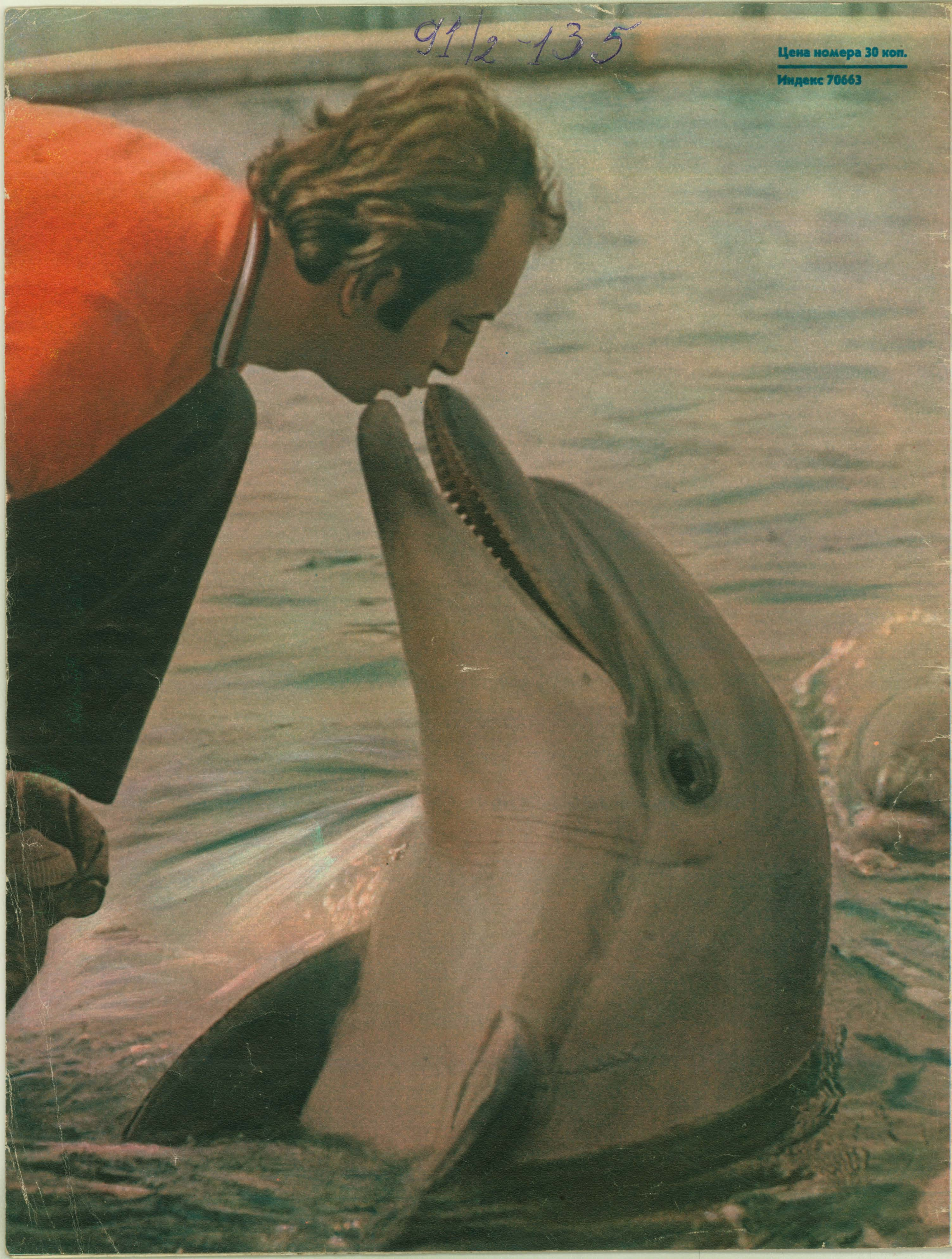

4

7

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663